„Пров 3Р"
Князя В. П. Львова
Отдѣл. XXXII № 989
„Пров 49"

# ПИСЬМА ИЗЪ РОССІИ

(1805—1807.)

## МИССЪ КАТРИНЪ УИЛЬМОТЪ.

Переводъ съ англійскаго языка.

(Briefe aus Russland von Miss C. Wilmot.)

ЛЕЙПЦИГЪ: Э. Л. Каспровичъ. | LEIPZIG: E. L. Kasprowicz.
1876.

„Пров 48½
1196
27

# ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Эти письма представляютъ сжатую, но одушевленную картину разнообразныхъ сценъ, видѣнныхъ авторомъ ихъ во время восьмнадцатимѣсячнаго пребыванія его въ Москвѣ и Троицкомъ; княгиня Дашкова стоитъ въ нихъ на первомъ планѣ. Предметы новаго міра образованы такъ, какъ они отразились въ живомъ воображеніи молодой дѣвушки; изложеніе ихъ запѣчатлѣно духомъ и оригинальностію мысли и слога, способныхъ обратить вниманіе обыкновеннаго читателя. Для друзей Уильмотъ, знавшихъ ее лично, онѣ напомнятъ силу выраженія и блескъ фантазіи, которыя отличали ея изустную бесѣду.

Само собой разумѣется, что миссъ Уильмотъ не могла предполагать, что ея письма явятся нѣкогда въ свѣтъ; она писала ихъ своимъ искреннымъ друзьямъ, и потому не льзя требовать отъ нихъ ни общаго интереса, ни литературнаго достоинства. Сестра ея, собравъ эти матеріалы,

рѣшилась напечатать ихъ вмѣстѣ съ разсказомъ княгини Дашковой, какъ свидѣтельство уваженія къ ней и какъ дополнительное поясненіе самихъ мемуаровъ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о миссъ Уильмотъ. Всегда слабая здоровьемъ, она скоро, по возвращеніи изъ Россіи, начала испытывать сильные припадки одымки, на что она жалуется въ одномъ изъ своихъ писемъ. Туманный и сырой воздухъ Англіи былъ въ высшей степени вреденъ ея грудной болѣзни; поэтому она принуждена была искать благопріятнаго климата въ южной Франціи. Поселившись въ Мулэнѣ, она пробыла здѣсь три или четыре года, за исключеніемъ нѣсколькихъ посѣщеній ея друзьямъ въ Англіи и Ирландіи; но здоровье ея не поправилось. Возраставшая болѣзнь заставила ее переѣхать въ Парижъ; здѣсь, послѣ нѣсколькихъ дней мучительной агоніи, она встрѣтилась съ своей могилой, 20 марта, 1824 года.

4 августа, 1805 года, на кораблѣ
передъ Кронштадтомъ.

Три недѣли ровно, какъ мы оставили Лондонъ, и сегодня утромъ, въ шесть часовъ бросили якоръ у Кронштадскаго мола. Теперь моя милая А.....и именно теперь я могу написать тебѣ; потому что сижу на кораблѣ плѣнницей и смотрю на Россію сквозь телескопъ на палубѣ. Все, что могу сообщить тебѣ — постройка фортовъ и батарей, которыя вижу, красивая и прочная; военныхъ людей, съ виду прекрасныхъ, множество; на молѣ толпятся купцы, и я боюсь, чтобъ намъ не пришлось простоять здѣсь долго. Заливъ покрытъ небольшими лодками, которыя возвращаются изъ Петербурга, гдѣ въ прошлую ночь праздновали день рожденія вдовствующей императрицы.

На противоположномъ берегу, покрытомъ лѣсами, стоитъ загородный дворецъ, Ораніенбаумъ. Вотъ все, что я вижу изъ Россіи, если изключить ея жителей, двухъ таможенныхъ офицеровъ; они пришли на корабль, запечатали наши чемоданы и

поставили солдата на часахъ, смотрѣть, за контрабандой. Капитанъ нашъ, добрый человѣкъ, отправился на берегъ, поглядѣть, что тамъ дѣлается; но сегодня воскресенье, и я думаю, что онъ ничего дѣльнаго не добьется. Странно: но именно такъ: первая вещь, на которую я могу пожаловаться въ Россіи — жаръ — и притомъ не выносимый жаръ.

26 іюля мы прошли Элсинеромъ, который я представляла городишкомъ сквернымъ, обирающимъ всякого путешественника въ пользу короля. Но положеніе его превосходное, и если бъ мы простояли въ немъ дальше, я непременно съѣздила бы въ Гельсинбургъ, въ Швецію, гдѣ теперь живетъ королевское семейство; Гельсинбургъ можно видѣть съ терасы Гамлетова сада. Но мы скоро отплыли, разставшись съ двумя пассажирами, изъ которыхъ одинъ былъ отвратительный вестъ Индеецъ, а другой Русской офицеръ, баронъ Бай, необыкновенный оригиналъ. Ему только двадцать семь лѣтъ, но онъ знаетъ все. Первые два дня онъ постоянно шагалъ на палубѣ, и днемъ и ночью посмѣиваясь, сердясь и бормоча самъ съ собою. По наружности его можно было принять за бродягу, и трудно было рѣшить, въ своемъ ли онъ умѣ, или просто спитъ, прогуливаясь. Первый день я не обѣдала, и потому не могла судить ни о манерахъ, ни о разговорѣ его. На другой день я удивилась, какъ онъ ловко разсуждалъ съ двумя пассажирами — моимъ покровителемъ ми-

стеромъ Чайтлокомъ, Англійскимъ купцомъ и ненавистнымъ вестъ-Индейцемъ. Здѣсь присутствовали и другіе, и онъ къ каждому обращался на его собственномъ языкѣ. Такъ, прежде чѣмъ онъ вышелъ изъ-за стола, я слышала его говорящимъ порусски, понѣмецки, пофранцузски, пожидовски, поиталіански, и поанглійски. Онъ служилъ при Суворовѣ, котораго боготворитъ. Воспитаніе онъ получилъ классическое и не только знакомъ съ литературой и политикой Европы, но всѣхъ поэтовъ считаетъ по пальцамъ. Его отвращеніе къ Французамъ доходитъ до раздражительнаго комизма, до болѣзненныхъ спазмовъ; недовольный злоупотребленіями ихъ революціи, онъ впалъ въ обыкновенную крайность — возненавидѣлъ цивилизацію. Краснорѣчиво, увлекательно и учено онъ защищалъ варварство, противуполагая его существующему порядку образованныхъ обществъ, при чемъ цитировалъ древнихъ писателей также ловко, какъ наша..... басни Езопа. Онъ очень занимателенъ по энтузіазму, разнообразію и одушевленію своихъ дѣйствій и, я думаю, Элеонора приняла его за обезьяну, особенно когда онъ такъ часто болталъ пофранцузски; но она скоро открыла въ немъ истиннаго джентльмена, потому что руки у него были бѣлы какъ лилія.

И такъ компанія наша въ Элсинерѣ разстроилась — и опошлѣла, сдѣлалась голодной, алчной,

ѣла и пила такъ, какъ будто насъ откармливали для звѣрей „Новой Земли“. Когда мы вышли изъ Элсинера, движеніе корабля едва было замѣтно; вечеромъ мы оставили его, съ быстротой молніи приставъ къ Копенгагену — который омываютъ морскія волны; онъ показался намъ магическимъ фонаремъ, съ его плавающими батареями, оставшимися въ прежнемъ видѣ, послѣ побѣды лорда Нельсона.

Девять дней мы плыли въ этомъ опасномъ Балтійскомъ морѣ и Финскомъ заливѣ. Я рѣшительно не знала, какъ распорядится временемъ. Иногда я развлекала себя чтеніемъ „Мадамъ de la Valière“; иногда заглядывала въ морскую библіотеку нашего капитана; иногда читала „Les mères rivales“, иногда усовѣщевала шалуна мальчишку, каютнаго слугу, которому не миновать галеръ; иногда посматривала на лошадей или слушала военные разсказы моряковъ. Такимъ образомъ, читая, слушая и, подобно кроту засыпая, я пріѣхала къ Кронштадту.

Воскресенье вечеромъ. Капитанъ обрадовалъ меня письмомъ отъ М....., писаннымъ уже два мѣсяца изъ Троицкаго; оно залежалось у мистера Букера, Англійскаго агента въ Кронштадтѣ. Княгиня запечатала его рѣзной печатью, съ слѣдующей надписью: на одной сторонѣ „Welcome“, (добро пожаловать) и на другой! „My sentiments you can discover in that word on the seal“. (Мои

чувства вы прочитаете въ надписи на этой печати.) Мистеръ Букеръ прислалъ мнѣ очень любезное письмо съ своимъ братомъ; онъ приглашаетъ меня обѣдать и предлагаетъ свои услуги. Я отвѣчала ему, отказавшись отъ обѣда но поручивъ послать въ Москву приложенныя письма. Добрая княгиня писала генералу Коровкѣ и адмиралу Генникову — которые живутъ въ Кронштадтѣ; она просила ихъ помочь мнѣ; но я думаю, что не обращусь ни къ тому, ни къ другому. По крайней мѣрѣ, теперь я намѣрена сидѣть на кораблѣ, какъ крыса, до самого пріѣзда въ Петербургъ. М..... сказала мнѣ, что княгиня написала мнѣ самое любезное письмо, отославъ его къ Полянской, въ домѣ которой я остановлюсь; она также приготовила мнѣ рекомендательныя письма къ Чичаговой, вдовѣ адмирала и морскаго министра и къ Кочетовой, племянницѣ Дашковой и фрейлинѣ.

Но довольно; письмо мое и бесъ того тяжело, какъ будто я вложила въ него статую Петра Великаго; иначе, вы не донесете его съ почты. И такъ пойду гулять на палубу и любоваться крѣпостью.

Середа, въ Петербургѣ, у мистера Рекса. Въ прошлую ночь я пріѣхала въ этотъ городъ, великолѣпной наружности. Въ понедѣльникъ утромъ, Букеръ прислалъ свою карету къ пристани, и Уайтлокъ проводилъ меня и Елену въ Кронштадтъ,

гдѣ хозяинъ принялъ насъ очень ласково и въ той же каретѣ послалъ осматривать адмиралтейство. Букеръ просилъ насъ остаться у него на время нашего пребыванія въ Кронштадтѣ.

Я никогда въ Италіи не чувствовала такого жара, какъ здѣсь, и мухи очень больно кусаютъ.

Вчера поутру, мистеръ Рексъ посадилъ насъ въ шлюпку и, подъ надзоромъ вѣрнаго проводника, послалъ на другую сторону въ Ораніенбаумъ; восемъ верстъ мы плыли водой; на пристани ожидала насъ карета и приглашеніе отъ леди Рексъ, которая предлагала посѣлиться въ ея домѣ, въ Петербургѣ. Ораніенбаумъ — царская дача, которую я немедленно осмотрѣла. Почва похожа на окрестности Воксгола, только въ колоссальномъ размѣрѣ; въ дворцѣ много замѣчательныхъ предметовъ, о которыхъ я не имѣю времени разсказывать тебѣ; меня торопитъ почта. Потомъ мы отправились въ Петербургъ, который въ тридцати верстахъ отъ Ораніенбаума и, признаюсь, лучшей прогулки я не видѣла. Я бы сравнивала ее съ поѣздомъ отъ Парижа въ Версаль; но нѣтъ, здѣсь лучше. По обѣимъ сторонамъ дороги красуются высокіе домы, отѣненные лѣсами, украшенные лужейками, садиками, и все это удивительно изящно устроено. Два или три дома принадлежатъ императору; широкая и отличная дорога оживлена все возможными экипажами, заложенными въ четыре лошади, цугомъ, или по двѣ

въ пристяжку, молочнаго цвѣта, подобно нашей королевской Гановерской породѣ, съ длинными гривами и хвостами. Желтый мѣсяцъ всталъ и золотомъ горѣлъ надъ темными дубравами; онъ освѣщалъ насъ до самого Петербурга, куда мы пріѣхали въ одинадцать часовъ ночи. Я совершенно очарована всѣмъ, что видѣла. Семейство Рекса стояло на балконѣ, оно вышло къ намъ навстрѣчу. Потомъ повели насъ на тотъ же балконъ; послѣ размѣна обычныхъ привѣтствій, я стала смотрѣть на богатую, лучшую улицу и на прекрасную рѣку, какой я никогда не видѣла.

Я забыла сказать тебѣ; ко мнѣ пришло второе письмо отъ М..... полное самыхъ лестныхъ выраженій княгини, которая хлопочетъ о моемъ представленіи во дворецъ. Я извѣстила Полянскую о своемъ пріѣздѣ, потому что Дашкова приказала мнѣ остановиться въ ея домѣ. Полянская отвѣчала мнѣ любезнымъ приглашеніемъ. Такъ мнѣ придется недѣли двѣ прожить въ Петербургѣ, и потомъ въ Москву. Слуги, кареты и все необходимое приготовленіе для дороги; словомъ, я илу цвѣтистой дорогой; любовь и вліяніе княгини все претворяетъ въ мое удовольствіе; но какъ мнѣ благодарить ее? Я писала ей письмо, умоляя не ѣздить въ Москву въ такую сырую погоду; меня увѣряютъ, что она хочетъ встрѣтить меня съ безпримѣрнымъ гостепріимствомъ. У меня уже есть отъ нея чудесная лисья

шуба, разныя атласные наряды, съ тафтяными платьями для моего „тѣлохранителя“ Елеоноры. Я ожидаю въ этомъ году блословнаго счастія; но клопы и комары казнять насъ нестерпимо. Эти двѣ ночи я спала на стульяхъ, подъ самымъ легкимъ одѣяломъ.

Въ то время, какъ я пишу эти строки, взоръ мой покоится на дворцахъ, академіяхъ, кораблахъ снующихъ по великолѣпной Невѣ. Наружность слугъ ужасно смѣшитъ меня: они смотрятъ, какъ будто отецъ у нихъ былъ Турокъ, а мать Квакеръ — не умѣю сказать лучше. Звуки Русскаго языка пріятны и нѣжны. За тѣмъ прощай.

---

Петербургъ 26 августа.
Въ домѣ Полянской.

Не думайте, чтобъ я стала подробно описывать всѣ свои произшествія, и не смѣйте требовать отъ меня этого; когда передъ вами лежитъ книга М....., описаніе лицъ и мѣстъ было бы совершенно лишнее дѣло. Я въ томъ же домѣ даже въ той же комнатѣ, въ то же время года, и съ той же служанкой, которая провожала мою сестру въ Москву. Кромѣ того княгиня прислала мнѣ Еркова, своего любимаго управляющаго домомъ, который безотлучно со мной. Дашкова

непременно хочетъ ввести меня во дворецъ; племянница ея озаботилась этимъ порученіемъ; но дворъ былъ въ Петергофѣ, и я рада была отклонить отъ себя эту честь. Но не тутъ то было: государь и государыня возвратились въ Петербургъ, а я не успѣла уѣхать въ Москву, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ; которыя скучно объяснять. Итакъ извиненія больше нѣтъ, и мое имя было передано статсъ-дамѣ, графинѣ Протасовой, для представленія. Эта церемонія отняла у меня восемь дней и еще доселѣ не кончена.

Но вотъ я и справила свой придворный визитъ. Разодѣтая въ пухъ, я явилась къ графинѣ Протасовой, которая должна была представить меня. Вчера, вы можете вообразить, шестерка лошадей во всю прыть понесла меня въ Таврическій дворецъ; я вошла въ блистательную мраморную залу, обставленную статуями и колоннами. Изъ этой залы провели меня въ роскошную пріемную, полную офицеровъ, осыпанныхъ орденами; отсюда я прошла въ другую комнату, пустую и примыкавшую къ главной пріемной. Вы удивитесь, что я шла одна; но таковъ этикетъ. Здѣсь я встрѣтила двухъ сановниковъ, привставшихъ со стульевъ; они очень вѣжливо заговорили со мной пофранцузски. Прежде меня также пришла одна дама; сюда же скоро явился генералъ Кутузовъ, дядя Полянской, назначенный главнокомандующимъ войскъ, готовыхъ выступить противъ Фран-

цузовъ. Онъ очень почтенный старикъ, и я ободрилась въ его присутствіи. Потомъ показалась какая-то барыня, поклонившаяся мужъиной, на старый Русскій ладъ; на лѣзомъ плечѣ у нея былъ брилліантовый шифръ; черезъ нѣсколько минутъ вошла за ней молодая хорошенькая дѣвушка, скромная до раболѣпной покорности. Мы начали разговоривать, ходить по комнатѣ и посматривать въ прекрасный садъ, среди котораго стоитъ дворецъ.

Не раньше какъ черезъ три четверти часа отворилась противоположная дверь и передъ нами стояла императрица Елисавета, а по зади ея жирная графиня Протасова. Императрица — созданіе милое. Въ ея лицѣ есть что-то такое, что напомнило мнѣ фигуры Анджелика Кауфманъ и Корделію, дочь короля Лира. При появленіи ея дамы встали, а мужщины вышли вонъ. На императрицѣ было бѣлое кружевное платье, и въ каштановыхъ прекрасныхъ волосахъ блестѣлъ очень крупный жемчугъ. Въ обхожденіи этой очаровательной женщины соединялась скромность съ нѣжною кротостью; и когда насъ подвели къ ней, какъ ни пріятно было поцѣловать ея руку, но она какъ будто совѣстилась, и каждой изъ насъ возвратила поцѣлуй въ щеку. Она со всѣми говорила по-французски, за исключеніемъ одной дамы, съ которой объяснилась порусски. Голосъ ея очень тихій и пріятный, и она говоритъ необыкновенно

скоро. Выраженія ея были обще-принятыми, придворныя фразы. Она спросила меня, какъ понравился мнѣ Петербургъ и замѣтила, что онъ произведетъ на меня пріятное впечатлѣніе. Я отвѣчала: точно такъ. Неужели это не умно? Далѣе она прибавила, что слышала о моей сестрѣ въ Москвѣ и что я предприняла такое дальше путешествіе ради удовольствія видѣть ее. Я отвѣчала: да, и потомъ прибавила что въ Петербургѣ я остановилась единственно ради чести быть представленной государынѣ. За-тѣмъ она поклонилась и, пробывъ съ четверть часа, стоя въ полукругѣ сопровождавшихъ ее дамъ, возвратилась къ себѣ, потянувъ за собой свою длинную свиту.

*Воскресенье,* 27 августа. Я очень сержусь, что доселѣ не могу оставить Петербурга. Послѣ представленія молодой императрицѣ, я по долгу неизбѣжнаго приличія должна была явиться съ той же церемоніи и къ вдовствующей государынѣ. Съ этой цѣлью Полянская ввела меня къ княгинѣ Прозоровской, которая обѣщала доложить императрицѣ и назначить день, когда я могу быть принята. Въ числѣ моихъ Русскихъ знакомыхъ есть графиня Воронцова, на дачѣ которой я провела очень пріятный день. Вы можете догадаться по имени, что она близкая родственица княгини Дашковой. Она знаетъ всѣ тѣ лица, съ которыми я познакомилась въ Италіи, и посѣтила

почти тѣ же мѣста, которыми я проѣзжала. Ея сестра, красавица княжна Голицына, говорятъ, выходитъ замужъ за нашего посланника, который, кстати, былъ очень внимателенъ ко мнѣ вслѣдствіе письма лорда Гарроубисъ. Онъ прислалъ мнѣ очень вѣжливое письмо, предлагая свои услуги и потомъ заѣхалъ ко мнѣ съ своимъ секретаремъ, Стюартомъ. Когда онъ былъ у насъ, меня не было дома; я отвѣтила ему, попросивъ похлопотать о моемъ новомъ визитѣ императрицѣ; въ слѣдъ за тѣмъ онъ опять посѣтилъ меня, и опять напрасно. Только въ третій разъ, я увидѣла его за ужиномъ у княгини Волконской, гдѣ было все Англійское посольство.

Англичане здѣсь живутъ сами по себѣ, своей собственной жизнію. Домъ Рекса для меня совершенно мой домъ; доброта ихъ ко мнѣ безгранична. Но предметомъ моего удивленія въ этомъ семействѣ служитъ братъ Рекса, мистерь Кавана, замѣчательно образованный молодой человѣкъ, съ капитальной головой. Я предупредила его, что мнѣ предлагаются услуги со всѣхъ сторонъ, но чтобъ не смѣшаться въ нихъ, я избираю его моимъ церемоніймайстеромъ и главнымъ руководителемъ, пока остаюсь въ Петербургѣ. Въ силу этого назначенія, онъ приходитъ ко мнѣ каждое утро для полученія, какъ онъ говоритъ, моихъ приказаній и надобно отдать справедливость его любезному вниманію, каждое мое порученіе онъ

исполняетъ съ совершеннымъ знаніемъ дѣла и очаровательной готовностію.

Нисшіе классы народа удивляютъ меня своей странной наружностію — и патріархальной длинной бородъ; трудно повѣрить, чтобъ они родились послѣ потопа. При восходѣ и закатѣ солнца и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ они со всего размаха крестятся, и эта операція продолжается, по крайней мѣрѣ, четверть часа. Они кланяются чуть не до земли. Я часто вижу изъ оконъ мужиковъ, работающихъ на рѣкѣ, съ ихъ длинными бородами, придающими имъ видъ сказочныхъ богатырей. Четвергъ, 29 Августа. Мнѣ нечего писать, да и времени мало. Представте, что я купила единственную книгу — придворный альманахъ; я совершенно терялась въ именахъ, которыя неизбѣжно знать. Въ слѣдующій понедѣльникъ, т. е. 1 Сентября я выѣзжаю.

31 *Августа*. Странная участь этого письма; вотъ уже вечеръ воскресенья, а оно еще не отдано на почту. Впрочемъ эта мѣшкотность дала мнѣ случай исполнить другую церемонію — представиться вдовствующей императрицѣ. Подробности тѣ же. Она очень видная женщина, высокая, хорошо-сложенная и хотя ей между сорока и пятидесятью годами, но она кажется еще молодой. Теперь ничто не задерживаетъ меня въ Петербургѣ. Дорожная моя карета превосходная и, подъ покровительствомъ двухъ проводниковъ

Фридриха и Еркова, мнѣ нечего бояться. И такъ, покойной ночи; погода холодитъ, но за то свѣтлая луна будетъ моей спутницей.

---

Петербургъ. Авг. 20, 1805 г.

Миссъ Генріета,*) въ одну безсонную ночь, проведенную на кораблѣ, я смѣялась сама съ собой, вспомнивъ о томъ, что вы просили меня въ деревнѣ постоянно увѣдомлять васъ изъ Россіи, во время моего путешествія; будьте увѣрены, я думала объ этомъ часто и на морѣ и на сушѣ. Вѣроятно, вы получаете мои поклоны изъ писемъ моей госпожи; мнѣ стыдно было выражать ихъ вамъ своими собственными словами. Вы спрашиваете, какъ мнѣ нравится Россія послѣ Ирландіи — читайте это письмо, которое будетъ распечатано вами въ Гленморѣ. Не знаю, какъ сказать вамъ; но я видѣла много смѣшныхъ вещей. Я люблю Лондонъ, но еще больше Коркъ. Въ Лондонѣ я видѣла прекрасную піесу; горничная и слуга капитана Уильмотъ были присланы ко мнѣ на помощь. Но что за наѣздникъ! Прекрасные золотые галуны вьются на его курткѣ, и истинные джентльмены и леди танцуютъ на сценѣ! Я

*) Это письмо отъ горничной миссъ Уйльмотъ.

много видѣла здѣсь занимательныхъ вещей, также и въ паркѣ; мода во всемъ и вездѣ; Лондонскія краснощекія леди, я увѣряю васъ (отчего избави насъ Богъ) румянятся и носятъ самыя безстыдныя шляпы, налобученныя на лобъ. Я вовсе не думала такъ дурно о путешествіи; потому что я никогда не была такъ больна, какъ во время плаванія изъ Ирландіи. Мы высадились на берегъ въ Даніи, гдѣ гавань была покрыта мачтами, какъ лѣсомъ. Это очень весело; и во всемъ нашемъ путешествіи было только два бурныхъ дня. Между тѣмъ, я выходила на палубу и шила платье, когда корабль бѣжалъ своимъ путемъ. У насъ все было хорошо; капитанъ былъ славный; куры несли намъ свѣжія яицы, и въ каютѣ было двѣ постели для насъ. Мы все могли получать отъ управляющаго Джемса сквозь маленькое наружное окно. По правдѣ, капитанъ, потомъ одинъ старый джентльменъ и слуга, замѣнявшій отца семейства (онъ же озаботился нами изъ Лондона) всѣ были добрые люди. Мнѣ казалось, что я вовсе не на морѣ, хотя они и говорятъ, что мы проплыли уже полторы тысячи миль. Какъ удивила меня карета мистера Букерса, въ Кронштадтѣ, гдѣ мы пристали къ Русскому берегу, карета, присланная за нами. И что за кучеръ правилъ ею! Широкій кушакъ, черная борода и длинный кафтанъ его, чтобъ мнѣ съ мѣста не сойдти, походилъ на юбку. Благодаря Бога, мы встрѣтили

здѣсь Англійскую прислугу, и она была очень вѣжлива; въ домѣ, гдѣ насъ приняли, мы нашли кучу прекрасныхъ дѣтей.

Ухъ! миссъ Генріета, какъ странно видѣть Русскихъ женщинъ! Что бы имъ не одѣваться по-человѣчески? Вовсе не весело смотрѣть на ихъ голубые, желтые, и зеленые сарафаны, вышитые золотыми позументами, съ болтающимися шишками на сережкахъ и съ рукавами точно у мужчинъ. Стыдно подумать, какими обезьянами онѣ ведутъ себя въ обществѣ. Лучше бы имъ умывать свое лицо, чѣмъ дозволять такому содому блохъ прыгать по нимъ.

На третій день мы оставили Букера и переѣхали на другой берегъ залива въ Ораніенбаумъ, гдѣ мы посѣтили великолѣпный дворецъ — котораго имени не знаю; здѣсь приняла насъ другая карета и двое слугъ съ страшными бородами; одинъ изъ нихъ, красный, какъ роза, провожалъ насъ до Петербурга. Какъ вы думаете, мы ѣхали? Четырехъ длиннохвостыхъ коней заложили намъ въ корень и двухъ впереди; гривы у лошадей здѣсь рѣдко стригутъ; длинныя пряди волосъ спускаются почти до земли; за-тѣмъ раздался свистъ и крикъ кучеровъ, и какъ они скачутъ! — быстрѣе вѣтра. Тогда-то я подумала, что мы, дѣйствительно, далеко отъ Ирландіи.

Въ Гленморѣ я не видѣла ничего подобнаго этому ряду дворцовъ и густыхъ лѣсовъ, которые

возвышаются по обѣимъ сторонамъ дороги къ Петербургу. На крышахъ виднѣлись изображенiи, съ крыльями, подобно птицамъ. Я устала смотрѣть на нихъ. Хороши также загородныя дачи, съ ихъ земными садиками, съ клумбами розъ и гераній, выставленныхъ на балконахъ. Мы ѣхали вечеромъ, потому что днемъ невыносимо жарко. И солнце здѣсь больше и горячѣе, чѣмъ въ Италiи.

Никогда не забуду, какъ хорошъ показался мнѣ Петербургъ въ первый день. Коркъ негодится ему въ потметки; и рѣка здѣсь въ пять разъ шире, чѣмъ Ли; не думаю, чтобъ она звалась тѣмъ же именемъ. Первую ночь мы спали въ просторной домовой церквѣ мистера Рикса, это люди очень милые, подобно Реду и Андерсону въ Фермоѣ. Завтракъ нашъ состоялъ изъ чаю и превосходныхъ сливокъ. Служанка миссъ Риксъ дала мнѣ славный кружевный чепчикъ, а миссъ Уильмотъ бѣлый вуаль и въ этомъ видѣ я пошла съ слугами смотрѣть дворецъ. Ужасный шумъ раздавался вокругъ меня; когда я повернула голову назадъ то увидѣла настоящую скалу съ гигантомъ — всадникомъ на ней. Остановите его, сказала я; увѣряю тебя, Генрiета, я приняла этого страшнаго урода за живаго человѣка. И что же оказалось? это бронзовый императоръ, называемый Петромъ или Петромъ великимъ, или чѣмъ то въ родѣ этого.

На другой день, Полянская, прекрасная, черноглазая, пріятная молодая женщина прислала за нами карету. Ночью мы переѣхали въ ея домъ; и я испугалась проходя длиннымъ рядомъ комнатъ; черный Негръ, въ желтой куркѣ, съ тюрбаномъ и двумя свѣчами въ рукахъ провожалъ насъ. Много бы платьевъ надѣлала себѣ нянька Конель изъ этого краснаго дамаска, которымъ обиты стѣны дома. Но, увы! какъ кусали насъ мухи цѣлую ночь. И какое зрѣлище представилось мнѣ поутру. Кругомъ меня собрались настоящіе тузы, съ золотыми аксельбантами, съ звѣздами на груди и съ коронами на головѣ. Одинъ портретъ уставилъ глаза прямо на меня и куда бы я ни поворотилась, онъ преслѣдовалъ меня. Это Русская императрица, повѣшенная въ золотой рамѣ и точно живая.

Едва, сказала я своей миссъ, завтракаютъ ли здѣсь? какъ стукъ стукъ! и въ дверяхъ явился гренадеръ, съ серебрянымъ подносомъ съ кофейникомъ, двумя чашками, сливочниками и ворохомъ разныхъ бисквитовъ; по пятамъ за нимъ юркнула къ намъ дѣвчонка съ вопросомъ къ миссъ Уильмотъ, не угодно ли ей дыни? послушай-ка, сказала я ей. Еслибъ мы были въ Коркѣ, намъ теперь подали бы свѣжыхъ яицъ. Но дѣвушка, озадаченная моимъ требованіемъ, попуривъ голову, вышла изъ комнаты и яицъ намъ не подали. На слѣдующій день, я отправилась въ домъ Рикса,

гдѣ было забыто нами ночное платье; въ коридорѣ меня оставили одну, молодая Англичанка съ ея братомъ; они пошли за шляпами, а ко мнѣ явился Русскій, съ чорной бородой, подобно лошадиному хвосту, сталъ къ стѣнѣ совершеннымъ столбнякомъ и ничего не говорилъ. Я отъ глубины души скорбѣла при взглядѣ на него; а онъ стоялъ такъ важно, какъ нищій, получившій два пенса. „Стыдно, сказала я ему что, вы не обрѣжите этотъ конёвый хвостъ, который виситъ на вашемъ подбородкѣ; вѣдь вы пугаете имъ добрыхъ людей“. За-тѣмъ я взглянула на него горькой рѣдькой. Они всѣ смѣялись надо мной; по приходѣ домой, я разсказала о всемъ этомъ моей госпожѣ.

Но какія здѣсь великолѣпныя спальни. У насъ три комнаты, обставленныя зеркалами, золотомъ, бѣлыми мраморными столами, арфами и клавесинами, печами до потолка, вызолоченными статуетками, часами съ музыкой и паркстами изъ акажу или что-то въ родѣ этого. Каждый день за обѣдомъ я чуть не помираю со-смѣху, когда черный негръ подаетъ мнѣ кушанья. Дайте мнѣ кусокъ bread, „говорю я.“ Glep, повторяетъ онъ; потому что не умѣетъ сказать правильно. „Ну хорошо, дайте мнѣ *glep*, если вамъ угодно,“ говорю я, и онъ подаетъ мнѣ точно такой же bread, какъ и въ Ирландіи, хотя и называетъ его *glep*.

У насъ здѣсь много музыки; восемь лакеевъ играютъ на флейтахъ и скрипкахъ. Этихъ лю-

дей называютъ рабами, хотя я вовсе не вижу на нихъ цѣпей. Не угодно ли вамъ взглянуть на прекрасное новое шелковое платье, которое мнѣ подарила сестра моей госпожи, также серебрянный крестикъ и зеленый шолковый чепчикъ, который я сама купила. Я очень счастлива, и люблю свое мѣсто. Генріета, если вы будете въ деревнѣ, скажите моему батюшкѣ и матушкѣ, что я часто вспоминаю о ихъ совѣтѣ и слѣдую ему; напомните обо мнѣ также мистрисъ Маннъ. Когда я смотрю изъ оконъ и вижу передъ собой Россію, иногда думаю, да что же? Стоитъ только надѣть шляпу и салопъ, и я могу побывать въ деревнѣ.

Я посѣтила три здѣшнія церкви, и онѣ такія же, какъ и у насъ; но одна совершенно наша, и миссъ Уильмотъ знаетъ одного католика, у котораго я могу исповѣдаться. Надо вамъ сказать, что я никогда не выхожу здѣсь со двора безъ *позволенія*. Прошлое воскресенье я весь день провела съ однимъ добрымъ Англійскимъ семействомъ; да не забудьте, Генріета, сказать моимъ знакомымъ, что я здѣсь ни съ кѣмъ не позволяю вести себя свободно, да и не имѣю надобности въ этомъ. Люди здѣсь, какъ столбы, стоятъ до тѣхъ поръ, пока вы громко не позовете ихъ; „поди сюда,“ скажешь имъ, и они скачутъ и мечутся, какъ угорѣлые. Но ѣдятъ здѣсь хорошо и вдоволь, и фрукты всѣхъ родовъ. Мнѣ приносятъ

на подносѣ льду, который я кладу въ стаканъ вина или воды.

Передай отъ меня поклонъ мистеру Гейсу и леди, а главнѣе всего, Эдуарду и мистрисъ Кэпальи. Мнѣ жалко будетъ разставаться съ этимъ хотя я и часто раздумываю объ Ирландіи, когда сижу за работой. „Моя милая, говоритъ мнѣ однажды хозяйка дома, какъ вы поживаете?“ По ея выговору, я увѣрена, что она родилась въ Ирландіи. Она призываетъ маленькихъ *козачковъ*, мальчиковъ восьми или девяти лѣтъ, прекрасно одѣтыхъ, играть на балалайкѣ и тѣмъ забавлять мою госпожу. Они скачутъ, пляшутъ и вѣчно съ музыкой въ рукахъ. Эта балалайка родъ гитары. Но насъ часто навѣщаютъ здѣсь Англичане.

Прощайте. Генріета. Я часто думаю о васъ, прошу и меня не забывать. Преданная тебѣ слуга

ЕЛЕОНОРА КАВАНА.

---

Троицкое. Сент. 24.

Недавно я писала вамъ и, въ концѣ письма, прибавила обѣщаніе увидѣть васъ опять въ Филиппи. Но осенній холодный день заставляетъ измѣнить слову; холодъ страшный и и трясусь и сержусь на то, что не топятъ печей. Но это еще цвѣтики, плоды въ переди.

Есть и еще на что пожаловаться, ничто въ мірѣ мнѣ такъ не удается, какъ хорошее распредѣленіе времени. Въ девять часовъ утра мы собираемся пить кофэ; потомъ разговоръ, музыка или прогулка и часто два часа. Ботъ знаетъ, какъ проходятъ; потомъ около двухъ часовъ раздается громовой колокольчикъ и мы являемся отправлять длинный обѣдъ, который, безжалостно заставляютъ ѣсть. Княгиня особенно любитъ похвалиться столомъ, произведеніями ея фермы теплицъ и проч. Въ 6 часовъ подается чай, а въ половинѣ десятаго или равно въ десять мы ужинаемъ. Такимъ образомъ цѣлый день истрачивается на обѣды.

Россія еще довольно варварская страна, и она можетъ отличаться добродѣтелью гостепріимства. У ней много другихъ національныхъ достоинствъ, но я успѣла замѣтить ихъ только среди нисшихъ сословій народа; что же касается до высшихъ, они во всемъ подражаютъ Французамъ; положимъ, что Французскія манеры къ нимъ идутъ, но все же это обезьянство. Такъ, напримѣръ, вмѣсто стараго обычая кланяться при встрѣчѣ, васъ цѣлуютъ въ обѣ щеки съ видимымъ восторгомъ и потомъ механически бормочутъ, какъ имъ пріятно познакомиться съ вами. Одежда также чужая и по всюду слышится Французскій говоръ. Въ Петербургѣ — въ этомъ сумбурѣ всего иностраннаго — онъ необходимъ въ коммерческихъ дѣ-

лахъ, а въ Москвѣ онъ принятъ изъ моды. И какъ странно видѣть, что среди этихъ Французскихъ манеръ, языка и правовъ, Русскіе кричатъ противъ Бонапарта, когда не могутъ съѣсть обѣда безъ Французскаго повара, когда не могутъ воспитать дѣтей безъ Парижскихъ бродягъ, принимающихъ здѣсь обязанности наставниковъ и гувернантокъ, словомъ, когда весь внѣшній лоскъ взятъ изъ Франціи. Но такова глупость человѣческая. За всѣмъ тѣмъ, я, какъ лицо постороннее, лучше согласилась бы находиться въ Французской гостинной, чѣмъ во всякой другой; потому что хотя Русскіе и рѣдко безобразятъ свое тѣло толстотой, но умъ они посылаютъ во Францію, нисколько не подозрѣвая униженія ни для себя ни для своего отечества. Національная музыка, пляска, одежда и языкъ — все пренебрежено и оставлено для обиходнаго употребленія рабовъ.

Но я заговорилась не кстати; гораздо лучше обратиться къ самой Дашковой. Характеръ ея діаметрально противоположенъ всякому обезьянству; едва ли есть существо болѣе оригинальное, чѣмъ она. За всѣмъ тѣмъ, духъ оппозиціи тянетъ меня отъ нея и Троицкихъ лѣсовъ въ Москву, гдѣ я только провела три дня; признаюсь, мнѣ очень хочется возвратиться сюда еще разъ. Между тѣмъ я познакомлю васъ съ гостиной Небольсиной.

Небольсина очень церемонно извинялась, что

она не позвала меня на балъ, который была намѣрена дать по случаю моего пріѣзда. „Мавра Романовна (имя М...) сказала она, совершенный ангелъ, и я люблю и почитаю ее отъ всей души. Быть ея сестрой — значитъ имѣть полное право на мою любовь и дружбу.“ Потомъ она обняла своими полнокровными руками М... и поздравила ее съ моимъ пріѣздомъ; причёмъ обѣщала мнѣ и безконечную дружбу и наградила такими сладкими поцѣлуями, отъ какихъ я охотно отказалась бы. Но не безпокойтесь, не смотря на эту цыганскую вѣжливость, я вела себя очень прилично.

Княгиня — превосходная странность! Она расточаетъ мнѣ необыкновенныя похвалы на Русскомъ языкѣ; М... понимаетъ ихъ и передаетъ мнѣ послѣ.

За ужиномъ Дашкова часто говоритъ со мной поанглійски, и потомъ переводитъ порусски своей заловкѣ, украшая все чрезъ мѣру. Вообще княгиня обращается съ нами съ какимъ-то особеннымъ предпочтеніемъ, первый разъ очень удивившимъ меня. Такъ, напримѣръ, никто, какой бы ни былъ его чинъ, не смѣетъ сѣсть въ присутствіи ея, если она не попроситъ; и не рѣдко случается, что она не позволяетъ; я видѣла однажды съ полдюжины князей, простоявшихъ впродолженіи всего визита.

Дашковой, кажется, никогда не приходило въ голову притворяться въ своихъ чувствахъ; и вы

можете вообразить, въ какомъ привилигированномъ положеніи она находится. Она рѣжетъ правду, какъ хлѣбъ, нравится ли это другимъ или нѣтъ — для нея все равно; къ счастію природа дала ей чувствительное и доброе сердце, иначе она была бы общественнымъ бичомъ. Первая по званію, уму, образу жизни, она вездѣ занимаетъ первое мѣсто и что бы ни сдѣлала, все кажется необыкновеннымъ. Для примѣра я разскажу одинъ случай: однажды она обратила гостиную графа..... въ спальню для моего удобства. Въ другой разъ за ужиномъ, она приказала подать корзинку, стоявшую на этажеркѣ, наполнила ее ананасами, персиками виноградомъ и проч., и велѣла поставить на своемъ туалетномъ столикѣ. Отгадайте за-чѣмъ? Ради моего же удовольствія, потому что я однажды сказала ей, что люблю ѣсть фрукты только передъ завтракомъ. Послѣ этого она каждое утро присылаетъ мнѣ ихъ съ горничной. Я просила ее отмѣнить эту любезность, но она всегда отвѣчала: „Будьте покойны, мой дружокъ; это маленькія требованія моего сердца; иначе ваша младшая сестра разсердится и выбранитъ меня за неисполненіе моихъ обязанностей.“

1 *Окт.* Слава Богу, печки начали топить и наши комнаты теплы и удобны.

Ну, а еще что сказать? Кажется я никогда не говорила о Троицкомъ, любимомъ мѣстопребываніи Дашковой. Оно, дѣйствительно, очень хо-

рошо и совершенно устроено по ея плану, окруженное шестнадцатью деревнями, принадлежащими ей. Три тысячи крестьянъ или какъ она называетъ ихъ „ее подданныхъ“ живутъ очень счастливо подъ ея безусловной властью; и едва ли кто такъ кротко и заботливо управляетъ своими крѣпостными. Слугъ у нея, включая сюда всевозможныя ихъ подраздѣленія, насчитывается до двухъ сотъ, сто лошадей, двѣсти коровъ и все прочее, въ томъ же размѣрѣ, служитъ на пользу ея семейства: можете вообразить о громадныхъ ея расходахъ. У нея есть своя церковь, построенная за домомъ. Лѣсъ, принадлежащій имѣнію, простирается на девять миль длины, и на четыре въ ширину; онъ примыкаетъ къ одной сторонѣ дома; въ окрестности его иногда заходятъ волки; и въ этомъ-то лѣсу я и княгиня блуждали вчера болѣе часу. Множество земли занято огородами и садиками въ англійскомъ вкусѣ; черезъ все помѣстье струится прекрасная рѣчка. Впрочемъ Троицкое мертвая равнина, и только съ помощію обработки и искуственныхъ украшеній превратилась въ восхитительну дачу. Домъ просторной, съ окнами по обѣимъ сторонамъ, съ балконами восходящими до втораго этажа.

Среди этого огромнаго имѣнія, среди богатства и почестей, я желала бы, чтобъ вы взглянули на княгиню, идущую гулять или лучше смотрѣть за работами своихъ крестьянъ. Она, обыкновенно,

носитъ темное платье, шелковый платокъ вокругъ шеи, совершенную тряпку — да какъ и не обратиться ему въ тряпье, когда она не снимаетъ его едва ли не восьмнадцать лѣтъ? Это подарокъ ея друга мистрисъ Гамильтонъ. Въ ея лицѣ, манерахъ, языкѣ и во всѣхъ дѣйствіяхъ есть какая-то оригинальность, только ей одной свойственная. Она помогаетъ каменьщикамъ лѣпить стѣны, сама проводитъ дороги, кормитъ коровъ, сочиняетъ музыкальныя піесы и пишетъ дла печати; она громко говоритъ въ церкви, поправляетъ попа если онъ ошибается, въ театрѣ перерываетъ актерамъ и учитъ ихъ, какъ надо выполнить роль; она докторъ, аптекарь, лекарь, кузнецъ, плотникъ, чиновникъ, адвокатъ; словомѣ, въ ней соединяются всѣ крайности; она переписывается съ братомъ, съ философами, съ поэтами, съ Евреями, съ сыномъ и съ другими родственниками, и за всѣмъ тѣмъ, кажется, у нея очень много лишняго времени. Она постоянно передставляется мнѣ сказочной героиней и это впечатлѣніе, которое я составила о ней заочно, не покидаетъ меня ни на одну минуту. Странная смѣсь въ ея говорѣ; она, кажется, не замѣчаетъ, говоритъ ли она пофранцузски, поанглійски или по русски. Одинаково хорошо она знаетъ Нѣмецкій и Итальянскій языкъ; но произношеніе ея не совсѣмъ ясно, и я черезъ то лишаюсь удовольствія бесѣдовать съ ней.

Она обѣщала показать мнѣ письма императрицы Екарины, и я читала нѣсколько главъ собственныхъ мемуаровъ Дашковой. Надобно знать царствованіе Екатерины II, чтобъ понимать характеры и предметы этого времени; княгиня живетъ воспоминаніями, она подробно говоритъ о всемъ, что видѣла и слышала и я начинаю воображать себя участницей революціи. Кстати, въ залѣ виситъ огромный портретъ Екатерины, одѣтой въ мундиръ и верхомъ на лошади; кромѣ того, портреты ея развѣшаны по всѣмъ комнатамъ.

Вчера утромъ я сошла завтракать и видѣла, что княгиня каптила селедку для меня, потому что я какъ-то проговорилась о разстройствѣ желудка. Княгиня, по какому-то вдохновенію, отгадала средство противъ моей болѣзни.

Октября 2. Прощайте и надолго. Послѣ этихъ отрывистыхъ, безсвязныхъ посланій я не буду писать вамъ, пока остаюсь въ Троицкомъ, развѣ только придется увѣдомить о моемъ „окамененіи.“ Окамененіе сильно занимаетъ меня, и напоминаетъ о здѣшней банѣ, отлично устроенной. Двѣ женщины ничего другаго не дѣлаютъ, какъ топятъ печки и убираютъ ее. Вы знаете, что баня для Русскихъ, какъ и для Турокъ, религіозный обрядъ; никто изъ нихъ не пойдетъ въ церковь, изъ опасенія осквернить ее, если не вымыется на-канунѣ въ банѣ. Это омовеніе совершается каждую суботу. Въ нашей банѣ три комнаты; въ одной

изъ нихъ устроенъ полокъ, на который поднимаются для пара. Здѣсь есть также большая ванна, въ который вы можете купаться и тереться мыломъ. Я прошла всѣ степени Русской бани. Княгиня, выходя изъ нея, ложится въ постель, въ особенно для того приготовленной комнатѣ. Но это слишкомъ для меня.

Княгиня — милая женщина; не смотря на строгую точность своихъ расположеній, она обѣщала выѣхать въ Москву двумя днями раньше за тѣмъ, чтобъ показать намъ львовъ ея. Она говоритъ „графъ Алексѣй Орловъ дастъ балъ.“ Потомъ посылаетъ свое приказаніе, и балъ данъ, какъ будто такъ и должно быть. Она также обѣщаетъ показать мнѣ Кремль „и я пошлю сказать, прибавила она“ чтобъ Архіепископъ Георгійскій служилъ обѣдню. Едва ли кто изъ иностранцевъ пользовался такими средствами видѣть Россію, какъ мы, благодаря доброй княгинѣ.

Между другими планами, Дашкова хочетъ свозить меня весной въ Польшу; но мнѣ очень не хотѣлось бы. Я знаю, что далекое путешествіе утомляетъ и разстроиваетъ ея здоровье. Но если она разъ задумала, трудно разубѣдить ее. Съ чего вы взяли думать, что я начинаю *говорить* по Русски. Нисколько! и отложите всякое попеченіе. Я чувствую, что тупѣю каждый день; моя лѣность и апатія растутъ нѣпомѣрно. Не такова М....; она говоритъ и пишетъ по Русски

чудесно. Княгиня учитъ ее и онѣ почти каждый день переписываются по Русски. За-тѣмъ прощайте.

---

Троицкое. 2 Дек. 1805 г.

Молчи Алиса; я знаю, что я въ Россіи..... Каково бы ни было однообразіе нашей Аркадской жизни въ этомъ очарованномъ замкѣ, но оно рѣшительно не возбуждаетъ охоты писать; потому что для воображенія нѣтъ ни одного вершка живой почвы; передъ нами, на широкомъ горизонтѣ стелется безпрерывная равнина снѣга; ей придаютъ разнообразіе однѣ темныя ночи и безжизненные дни. Впрочемъ, на самомъ дѣлѣ эта картина, можетъ быть, не такъ ужасна. Хотя я живу въ пустынномъ домѣ, на послѣднемъ краю Европы, среди безпощадныхъ морозовъ и потому совершенно неспособна писать письма; но я въ состояніи чудесно исполнить самые необходимые дневные труды и раздѣлять участь моихъ сожителей. Положимъ, что вокругъ меня повсюду сугробы снѣга, за всѣмъ тѣмъ я любуюсь прекрасными цвѣтами, которые современемъ распустятся и зацвѣтутъ...

Неугодно ли тебѣ прогуляться въ моемъ цвѣ-

тникѣ? Подними повыше подолъ платья и обойди со мной этотъ домъ, посмотри на его комнаты; или, если угодно, садь на диванъ, подожми подъ себя ноги, подобно Русскимъ дамамъ и погадай на картахъ — это самое любимое занятіе между просвѣщенными людьми этой блистательной aurora borealis.

Природа здѣсь походитъ на тонкій очеркъ, преведенный перомъ на листѣ бѣлой бумаги; каждый предметъ такъ тощь и холоденъ, такъ незамѣтенъ на этой однообразной бѣлизнѣ. Не смотря на то, каждый день въ три часа ожидаетъ насъ у подъѣзда кибитка или сани. Первый экипажъ походитъ на дѣтскую колыбель, съ медвежей полостью и съ кожаннымъ верхомъ. Сѣдя вы можете погрузиться между М..... и Анной Петровной или, точнѣе говоря, вы усадитесь тремя страшными кучами, потому что завернувшись въ эти шали, шубы и мѣха, вы теряете всякій человѣческій видъ. Да взгляните и на одѣяніе нашихъ слугъ, Гаврилы, Петруши, Ѳедора и Ивана. Кафтаны ихъ опоясаны цвѣтными кушаками; на головахъ ихъ торчатъ высокія, черныя, гренадерскія шапки. И эти чудовищныя шапки они ежеминутно снимаютъ по долгу покорности, и часто по колѣна въ снѣгу, съ открытой головой выслушиваютъ всякое слово, сказанное имъ; и если снѣгъ облѣпитъ ихъ лобъ, они спокойно сбрасываютъ его и опятъ надѣваютъ шапку.

Я, кажется, писала тебѣ, что Троицкое, какъ лилія въ долинѣ, то есть, бѣлый ощекотуренный домъ отѣненъ мрачными лѣсами. Передняя часть лѣса походитъ на кладбище природы; *каждое дерево* поднимается бѣлымъ скелетомъ — печальнимъ, жалкимъ и дикимъ; но эти видѣнія изчезаютъ, и мы ѣдимъ среди высокихъ сосенъ, которыхъ стрѣлки представляются въ видѣ снѣжныхъ колонъ, и отражаются тысячами мраморныхъ полосъ въ нашемъ влажномъ взорѣ. И на этомъ печальномъ фонѣ зима рисуетъ самыя блистательныя краски и тѣни.

Закатъ солнца даетъ не менѣе очаровательный видъ; когда горизонтальный лучь пройдетъ по снѣжной скатерти, онъ, кажется, мгновенно открываетъ всѣ сокровища Голконды: земля начинаетъ блестѣть сафирами, изумрудами, аметистами, опалами и брилліантами.

Безмолвное уединеніе дубравы, когда мы проѣзжаемъ по ней — рѣдко нарушается; развѣ попадется дровосѣкъ, похожій больше на Сатира, чѣмъ на человѣка; безконечная его борода, залѣпленная снѣгомъ и сосульками, мѣрно отвѣчаетъ поклономъ каждому удару топора. Впрочемъ появленіе госпожи останавливаетъ всякій трудъ; пока не изчезнутъ изъ виду сани, эти бѣдные Сатиры, становятся въ рядъ и кланяются до земли.

Но я надоѣла тебѣ своей дубравой; и по дѣ-

ломъ, не любопытствуй. А видишь ли ты этотъ дымъ, вьющійся надъ снѣжной кровлей? Это баня, которую топятъ каждую суббогу. Если ты повернешь къ задчей сторонѣ дома, замѣтишь длинный рядъ зданій и среди ихъ церковь. Всѣ эти угодья и пристройки можно, по ошибкѣ, принять за маленькій городъ. Здѣсь есть театръ, манежъ, больница, конюшни, домъ управляющаго, пріемная горница, покои служителей и такъ дальше.....

И какой здѣсь нѣтъ прислуги! Одинъ снимаетъ сапоги, другой отворяетъ дверь въ столовую, третій въ гостиную и все это безпрерывно бѣгаетъ и суетится. Но вотъ на первомъ планѣ виситъ портретъ князя Дашкова, красавца въ свое время; онъ умеръ на двадцать шестомъ году возраста. А вотъ эта женщина, съ повелительнымъ взглядомъ, съ орлами, вышитыми на хвостѣ горностаевой порфиры — Екатерина II; противъ нея внукъ ея императоръ Александръ. Но довольно о картинахъ. На переднемъ мѣстѣ комнаты, въ большихъ креслахъ, за маленькимъ столомъ, въ пурпуровомъ шелковомъ платье, въ бѣломъ мужскомъ колпакѣ, съ собачкой Фиделью, спящей на подушкѣ у ея ногъ, пестрая, какъ лавошникъ, сидитъ княгиня. Она поджидаетъ насъ домой, потому что нынѣшній вечеръ начнется чтеніе писемъ Екатерины II къ Дашковой. Эти предметы, напоминающіе ей былое время, печально одушевляютъ ея лицо.

*Воскресенье.* 7 декабря. Пять дней прошло, какъ я отправила мое послѣднее письмо; въ это время св. Екатерина, патронесса княгини Дашковой, благоволила собрать свою духовную и земную подать. Княгиня и я были имянницы, она рѣшилась отпраздновать этотъ день вдвойнѣ. Наканунѣ собрались попы въ столовую комнату и отслужили торжественный молебенъ. „Богъ“ блистательно освѣщенъ въ своемъ углу; серебряный образъ Екатерины, отражавшійся въ большомъ зеркалѣ горѣлъ во всемъ блескѣ умилостивительныхъ лампадъ. Когда религіозный обрядъ кончился, каждый подходилъ къ княгинѣ съ поздравленіемъ и подарками. Крестьяне собрались въ залу, всякій съ хлѣбомъ, посыпаннаго солью, что они подносятъ въ знакъ уваженія, а нѣкоторые прибавили тарелку яблокъ для прикрасы приношенія. Княгиня и я обмѣнялись взаимными подарками, и обѣ приняли ихъ отъ М... и Анны Петровны. Ночью пришли поздравительныя письма изъ Москвы отъ всѣхъ родственниковъ Дашковой. Но довольно для кануна св. Екатерины.

На другой день мы отправились въ церковъ и слушали обѣдню. Собраніе наше увеличилось пріѣздомъ князя Дашкова, Постникова, генерала Елагина съ семействомъ, графа Санти и множества другихъ сосѣдей. Ты можешь представить, сколько насъ присутствовало за обѣдомъ; княгиня сидѣла на первомъ мѣстѣ, я по правую руку.

Насъ поздравляли вмѣстѣ, на Русскомъ, Французскомъ, и Англійскомъ языкѣ; каждый вставалъ съ бокаломъ шампанскаго и пилъ за здоровье наше. Вечеръ прошелъ за музыкой и картами. Въ пятницу мы ѣдимъ въ Москву; но до-того вѣрно ты не соскучишься погостить въ нашемъ Троицкомъ.

*Понъдѣльникъ.* 8 декабря. Если обѣдъ, описанный мной, возбудилъ въ тебѣ особенный апетитъ, тебѣ стоитъ только сойдти внизъ и сѣсть за большимъ квадратнымъ столомъ. Во-первыхъ поѣсть, если угодно, яичныхъ пирожковъ съ супомъ, потомъ запей ихъ медомъ или квасомъ. Но попробуй пожалуйста, икры, осетрины. Можетъ быть, ты любишь уху; котлеты, солонина и дичь — все къ твоимъ услугамъ; да не забудь съѣсть соленой огурецъ съ жаркимъ. А что ты думаешь о поросенкѣ и кисломъ молокѣ! Потомъ возьми пастилы или крымскихъ яблокъ, или Кіевскаго варенья, или сотоваго меда, или розоваго цвѣта, или моченыхъ грушъ.

Но во имя неба, не ѣшь больше; потому что въ семь или восемь часовъ ты сядешь за такой же обѣдь, подъ названіемъ ужина. Прежде чѣмъ ты пойдешь къ себѣ, пока окуриваютъ комнаты, оть чего я задыхаюсь, зайди въ кабинетъ княгини, доброй, тихой старушки. Она очень любитъ и ласкаетъ меня, называя своей избранной сестрой; она во всемъ старается похвалить меня, мое се-

мейство и отечество. Часто, смотря на меня, она восклицаетъ: „это лучшее доказательство любви провиденія ко мнѣ: милое дитя довѣрилось одному моему имени и одна, издалека, посѣтила меня, положившись на честное слово. Теперь скажи мнѣ, сестра Кети, чѣмъ я могу доказать ей свою любовь и признательность... Однажды я зашла въ ея кабинетъ прочитать посвященіе ея мемуаровъ М..... Оно написано превосходно; въ немъ дышетъ любовь, удивленіе, благодарность и энтузіязмъ къ ея другу.

Я часто думала попробовать обрисовать характеръ княгини Дашковой; но это рѣшительно невозможно. Черты его такъ разнообразны, такъ оригинальны, что все это, подъ моимъ перомъ, вышло бы хаосомъ человѣческихъ противурѣчій. Въ ея душѣ собраны всевозможные элементы, всѣхъ возрастовъ и состояній; мнѣ кажется, она была рождена стоять въ головѣ народнаго правленія, быть главнокомандующимъ арміи или диктаторомъ имперіи. Въ самомъ дѣлѣ она призвана для дѣятельности на высокомъ поприщѣ, которая такъ шла женщинѣ, въ восьмнадцать лѣтъ руководившей революціей и потомъ двѣнадцать лѣтъ управлявшей двумя академіями.

*Суббота, вечеромъ*, Москва 15 декабря. Мы только-что пріѣхали, послѣ самого грустнаго путешествія; но наше пребываніе въ Москвѣ отравлено печальнымъ извѣстіемъ о скорой и неизбѣ-

жной кончинѣ брата Дашковой. Сынъ его находится при немъ; и если не дойдутъ до насъ болѣе благопріятные слухи, думаю что мы отправимся въ Андреевское, гдѣ онъ теперь находится. Это страшный ударъ! Но я должна идти въ постель — поправлять свои разбитыя кости на ухабистой дорогѣ.

---

Москва. 18 Февр. 1806.

Конечно, я недовольна тѣмъ, что пишу рѣдко и далеко не отвѣчаю твоимъ ожиданіямъ и заботамъ о моемъ драгоцѣнномъ здоровьѣ въ этой бѣлой странѣ, среди дѣтей зимы, гдѣ я мерзну въ сугробахъ снѣга. Но твои упреки не совсѣмъ справедливы; вспомни, что моя прощальная рѣчь была яснымъ предсказаніемъ моего будущаго поведенія; я оправдала его и буду оправдывать, пока съ весеннимъ солнцемъ не возвращусь къ вамъ — окончить дни свои на родной землѣ.

Но довольно о прошедшемъ и будущемъ; за настоящее же благодарю тебя. Третьяго дня я получила послѣднее твое письмо, писанное въ Удъ-Гилѣ, отъ 28 декабря, вмѣстѣ съ другими, которыя хотя и замедлили, но достигли своего назначенія. Когда мнѣ подали эти письма, мы торопи-

лись надѣвать перчатки и салопы, готовясь отправиться на обѣдъ къ генералу Тутолмину, одному изъ губернаторовъ Польши; поэтому мы сунули ихъ въ карманы. Я хотѣла прочитать ихъ дорогой, такъ какъ намъ приходилось проѣхать шесть верстъ; но сани прыгали по ухабамъ какъ корабль по волнамъ бурнаго моря. Пріѣхавъ, я удалилась въ крайнюю комнату, гдѣ уже были разложены карточные столы, и принялась за чтеніе вашихъ давно-вожделѣнныхъ писемъ.

Я была на половинѣ вашего письма, когда князь Юсуповъ взялъ меня подъ руку и повелъ обѣдать. Я шла рядомъ комнатъ, среди цвѣтовъ, подъ звуками музыки, съ кавалеромъ, увѣшаннымъ всевозможными орденами, осыпаннымъ всевозможными почестями, и въ это время пережовывала твое письмо. Но позволь мнѣ теперь поговорить объ обѣдѣ, а не о твоемъ письмѣ.

Мнѣ ужъ наскучили эти обѣды. Роскошь и великолѣпіе, которое окружаетъ насъ, скоро теряетъ свой эфектъ и потомъ наступаютъ утомительные будни. Что было особенно новаго для меня на этомъ обѣдѣ, это то, что я находилась въ кругу гостей — героевъ Екатерининскаго двора. Москва — императорскій капитолій Россіи. Всѣ сановники прошлой эпохи, удаленные или обойденные благоволеніемъ Александра, живутъ въ этомъ лѣнивомъ, полусонномъ и великолѣпномъ городѣ; они наслаждаются идеальнымъ величіемъ,

уступивъ своимъ преемникамъ дѣйствительную власть при Петербургскомъ дворѣ. За всѣмъ тѣмъ, разукрашенное привидѣніе князя Голицина, главнаго камергера Екатерины II, является во всемъ блескѣ своихъ звѣздъ и лентъ, которыя подъ тяжестію девяностолѣтней старости, вдвойнѣ пригибаютъ его къ землѣ. На этомъ жалкомъ скелетѣ висятъ брилліантовый ключь, и другія нарядныя бездѣлушки.

Другой изъ этихъ росписанныхъ выходцевъ съ того свѣта — графъ Остерманъ, бывшій государственный канцлеръ. На немъ висятъ ордена св. Георгія, Александра Невскаго, Владиміра и проч. въ красныхъ, голубыхъ и разноцвѣтныхъ бантахъ, и восемьдесять три года висятъ за его плечами. —

Графъ Алексѣй Орловъ, адмиралъ Екатерининскихъ временъ, первый богачъ христіанскаго міра, окруженный Азіятской роскошью. Рука, задушившая Петра III, унизана алмазами, среди которыхъ блеститъ портретъ Екатерины, съ ея признательной улыбкой. Къ числу нашихъ Московскихъ гостей принадлежитъ также Корсаковъ, переживший любовникъ; не смотря на свои морщины, онъ доселѣ утѣшается воспоминаніями былаго счастія. Словомъ, величіе, окружающее насъ, другого міра; при всемъ томъ этими стариками правитъ та же придворная сплетная и глупость, то же тщеславіе, та же надутая гордость, то же

чванство, составляющія источникъ ихъ счастія или горя; какъ будто могила, надъ которой они стоятъ, не страшна имъ.

Признаюсь, я отъ всей души презираю названіе Екатерины *Великой,* на языкѣ этихъ сѣдыхъ болтуновъ; потому что они превозносятъ ее въ пользу отличія своихъ заслугъ.

Эти Московскіе и все столбовые сановники окружены женами, дочерями, внучками, нарядно одѣтыми, сидящими въ раззолоченныхъ будуарахъ; передъ ними курится ѳміанъ, пляшутъ бѣдные рабы и разносятъ конфекты посѣтителямъ. Здѣсь вездѣ Французская одежда, повсюди молодыя питомцы Французскихъ дѣвчонокъ и аббатовъ; и за всѣмъ тѣмъ онѣ воспитаны большею частію худо, въ рабскомъ подражаніи, занятыя одной наружностью, не имѣя даже пріятныхъ манеръ, столь свойственныхъ Французской гостиной. Когда Московская барыня осмотритъ васъ съ ногъ до головы, измучитъ своими поцѣлуями, наговоритъ вамъ тысячи увѣреній въ вѣчной дружбѣ, безъ церемоніи разхвалитъ васъ, спроситъ о цѣнѣ вашего платья, перечтетъ всѣ ордена на своихъ сосѣдахъ — за-тѣмъ отъ нея больше ничего не ожидайте. Едва ли она имѣетъ какое нибудь понятіе выше этой болтовни, за исключеніемъ похвалъ Французскимъ ювелирамъ на счетъ Русскихъ брилліантщиковъ.

Я замѣтила, въ числѣ Московскихъ предраз-

судковъ, предпочтеніе Французовъ Англичанамъ, хотя Бонапартъ для нихъ какое-то чудовище, а Нельсонъ герой, достойный сожаленія. Англичанъ здѣсь уважаютъ издали; ихъ жизнь, языкъ почти вовсе неизвѣстны; ихъ манеры нелюбимы; вообще ихъ судятъ здѣсь на свой ладъ, не такъ какъ другихъ иностранцевъ. Молодые Англійскіе путешественники обращаютъ на себя вниманіе и удивленіе тѣмъ, за что никто не станетъ превозносить въ нашемъ отечествѣ — за хорошій вальсъ, за умѣнье говорить по Нѣмецки и по Русски, за постоянныя повторенія „ваше сіятельство, ваше превосходительство,“ за безпощадные комплименты всякому Русскому, не смотря на то, что имъ явно предпочитаютъ Французовъ.

Я разскажу два примѣра, какъ всякая новизна увлекаетъ этихъ гордыхъ медвѣдей. Одна княжна убѣжала съ Итліянскимъ Синьоромъ — живописцемъ. Племянникъ Дашковой..... женился на дочери Французскаго учителя. Образованіе здѣсь не имѣетъ никакаго значенія, особенно между женщинами; какимъ нибудь нелѣпымъ софизмомъ изъ черной магіи ихъ можно сбить съ толку. Такъ это и случилось съ синьоромъ....., человѣкомъ шестидесяти лѣтъ, вскружившимъ голову двадцати-девятилѣтней княжнѣ, прикинувшись атеистомъ и поклонникомъ ясновидѣнія Берклея. Онъ прослылъ за вдохновеннаго генія, и передъ нимъ отворились всѣ двери аристократическихъ

домовъ. Я видѣла его одинъ разъ и приняла за доктора-шарлатана. Черезъ три недѣли послѣ онъ пришелъ къ Московскому митрополиту просить позволенія вступить въ бракъ; на вопросъ: „какой онъ религіи,“ Синьоръ съ хохотомъ отвѣчалъ: „всѣхъ или никакой.“ Поднялся шумъ — но онъ обратился въ греческое вѣроисповѣданіе и былъ обвѣнчанъ. Вотъ одно изъ девяти Московскихъ чудесъ.

Образованіе нашего вѣка очень замѣтно выражается въ различіи молодаго Московскаго поколенія и ихъ матерей. Послѣдніе плохо знаютъ иностранные языки, но почти всега кокетки.

Я не знаю, можно ли сравнивать это общество съ Англійскимъ. Въ Москвѣ мы знакомы только съ аристократами, каковы въ Лондонѣ герцогиня Гордонъ, Девонширъ и проч. Такія же скромныя, невинныя, розовыя, нимфы, какъ ты, Л... и И... здѣсь живутъ внѣ всякого общества и слѣдовательно ихъ нѣтъ. Послѣ этого я не удивляюсь если наши юноши, возвращаясь изъ путешествія спѣшатъ женится, и понимаю княгиню Дашкову, которая выражается такъ: „я думаю, что самъ Богъ гордится созданіемъ Англійской женщины.“ Впрочемъ Англичане и въ половину не такъ думаютъ о ней.

Дома здѣсь превосходно устроены; на столахъ является непомѣрная роскошь; музыкальные оркестры великолепные. Чтобъ дать тебѣ понятіе,

какъ живутъ здѣсь, я укажу на генерала Кноринга. Онъ двадцать лѣтъ служилъ на границѣ Россіи въ Грузіи, Персіи, а чтобы *служить* въ Россіи надо имѣть покровительство и право рожденія.

Пріѣхавъ къ этому Кнорингу, мы вошли въ переднюю, гдѣ тридцать или сорокъ слугъ въ богатыхъ ливреяхъ бросились снимать наши ботинки и салопы. Генералъ, хозяинъ дома, съ манерами стараго куртизана, виднѣлся на концѣ цѣлаго ряда живописныхъ и зеркальныхъ комнатъ, со всѣхъ сторонъ отражаясь на полированномъ стеклѣ. Онъ подбѣжалъ къ намъ, раскланиваясь на каждомъ шагу. Поцѣловавъ у насъ руки, а мы его въ лобъ, онъ привелъ насъ въ столовую, гдѣ былъ поданъ завтракъ, состоявшій изъ ликеровъ, икры, редисокъ сыру, копченыхъ сельдей; кругомъ стола стояли гости, которые послѣ закуски усѣлись за карточные столы и, какъ обыкновенно, играли отъ двухъ до трехъ часовъ. Потомъ каждый гость взявъ подъ руку даму, ставился въ рядъ двадцати или тридцати паръ и всѣ шли церемоніальнымъ маршемъ, подъ звуками музыки, къ обѣденному столу. Горничныя группой стояли у дверей, напѣвая народныя пѣсни, съ акомпаниментомъ музыки. Маленькій Китаецъ, Негръ, Черкешенка, Калмычка, всѣ одѣтыя въ національное платье, присутствовали за обѣдомъ и вмѣстѣ съ другими рабами забавляли собраніе,

то пѣснями, то гримасами; ихъ ласкали или бросали имъ конфекты.

Когда мы, отобѣдавъ, той же процессіей двинулись въ гостиную, передъ нами танцовали крестьянскія дѣвушки, а мы сидѣли на диванахъ, попивая кофэ. Все это, какъ вы видите, совершенно въ Англійскомъ вкусѣ. Но день кончился, поданы свѣчи, зажжены лампы, вмѣсто сторъ опущены транспаранты и гости стали разъѣзжаться. Около половины седьмаго мы были дома.

Въ Москвѣ теплѣй, чѣмъ въ Троицкомъ; я и М..... почти каждый день, около часу бродимъ вокругъ дома по снѣгу, на удивленіе Русскихъ, которые зимой никогда не гуляютъ пѣшкомъ.

Не льзя не разсказать лебѣ очень забавно угощенія, на которомъ мы недавно присутствовали. Я жаловалась княгинѣ, что обращаясь въ одномъ высшемъ кругу, мы не имѣемъ случая познакомиться съ народной жизнію, съ обычаями купцовъ, мѣщанъ и т. п. Дашкова немедленно удовлетворила моему любопытству; назначень былъ день и мы всей, семья, человѣкъ шестнадцать или семнадцать, отправились обѣдать въ лучшую гостинницу въ Москвѣ. Намъ подали Русскій обѣдъ, состоявшій, смѣю увѣрить тебя, не менѣе, какъ изъ ста блюдъ, приготовленныхъ совершенно въ народномъ вкусѣ. За обѣдомъ сидѣла сама хозяйка отели, одѣтая въ платье, шитое золотомъ, и украшенная брилліантами; лицо, руки и шея были

у ней нарумянины, какъ у куклы: обычай — румяниться очень старинный въ Россіи. Намъ прислуживали человѣкъ сорокъ, съ длинными бородами, въ красныхъ или разноцвѣтныхъ рубашкахъ, съ засученными рукавами, безъ жилетокъ и кафтановъ. Мальчикъ игралъ на органѣ и за позволеніе играть въ этомъ трактирѣ онъ платитъ нѣсколько сотъ рублей каждый годъ; это, между прочимъ, показываетъ, какъ многолюдна гостинница и какъ любятъ здѣсь музыку. Послѣ кофэ явились въ залу цыганки, съ вышитыми шалями черезъ плечо, съ сережками въ ушахъ, сдѣланными изъ различныхъ монетъ. Какъ восхитительно они плясали свои народные танцы! Когда надо было выразить страхъ, ихъ живость переходила въ бѣшеный экстазъ; движенія ихъ, сопровождаемыя рѣзкимъ крикомъ, были такъ дики и необузданны, что страшно было смотрѣть на нихъ.

Подчиненіе въ высшей степени господствуетъ въ Москвѣ. Здѣсь собственно нѣтъ того, что называютъ *джентльменомъ*; каждый измѣряетъ свое достоинство мѣрой царской милости. Поэтому старые идіоты и женщины, выжившія изъ ума, всемогущи, это естественно, имѣя на себѣ болѣе лентъ и чиновъ, чѣмъ люди молодые. Что касается до молодыхъ людей свѣтскаго тона, ихъ очень мало, потому что большая часть гоняется за счастіемъ при Петербургскомъ дворѣ или слу-

житъ въ арміи. Мѣсто ихъ заступила толпа молокососовъ напудренныхъ, напомаженныхъ, одѣтыхъ по послѣдней модѣ, съ Французскими гувернерами, посвящающими ихъ въ тайны свѣтскаго общества. Помилуй господи глупость этого юнаго поколѣнія и меня въ кругу его, какъ лягушку на камнѣ.

Но пора кончить и поблагодарить тебя за всѣ твои новости. Да взгляни на печать этого письма; вчера княгиня подарила ее мнѣ: семъ звѣздъ или сѣверная медвѣдица — это она сама; пламя на алтарѣ — это чувство зазженное ею ко мнѣ. Хорошенькая печать, вырѣзанная на драгоцѣнномъ камнѣ. Прощай.

---

*Его Священству*) Ж. С.*

..... Въ замѣнъ тѣхъ свѣдѣній, которыя вы сообщили мнѣ, я могу побесѣдовать съ вами о подобныхъ же предметахъ, замѣченныхъ мной въ Россіи — о свадьбахъ и погребеніяхъ. Простите, начинаю съ классической древности. Кажется, съ восьмаго или девятаго вѣка, не раньше, бракъ освященъ церковью. Сначала онъ имѣлъ три различныхъ степени, нынѣ свѣденныя въ

*) Reverend.

одинъ обрядъ; вопервыхъ, обрученіе кольцами или договоръ, вовторыхъ матримоніальное вѣнчаніе, и вотретьихъ снятіе вѣнцовъ на восьмой день. Вы помните, что Римскіе поэты воспѣваютъ — факелъ Гименея, договоръ, покровъ и гирланду цвѣтовъ.

Теперь прошу васъ представить церковь, окруженную бородатыми мужиками, одѣтыми въ тулупы, обутыми въ лапти съ рукавицами на рукахъ. Въ ожиданіи жениха и невѣсты они обмѣниваются поздравленіями, обнимаясь другъ съ другомъ, борода въ бороду, каждый цѣлуя своего сосѣда полюбовно. Такъ какъ все это происходитъ на снѣгу и на холодѣ, то они постоянно потираютъ руки и носы о кожаные тулупы, и въ тоже время безпощадно крестятся, потому что стоятъ передъ церковью. Дюжина саней подкатываетъ къ папертямъ, гдѣ принимаетъ брачную чету священникъ, въ епитрахили; женихъ и невѣста вылезаютъ изъ саней, запинаясь подъ тяжестью своей одежды идутъ въ церковь, въ сопровожденіи всѣхъ возможныхъ своихъ родственниковъ, за исключеніемъ отца и матери, которые остаются дома. Теперь вы можете представить Русскую мятель въ лѣсу: крестьяне, съ замерзлыми бородами, кланяясь и крестясь, поднимая и опуская руки, снуютъ взадъ и впередъ, стекаясь со всѣхъ концевъ деревни къ паперти. Попъ становитъ молодыхъ передъ налоемъ, благословляетъ и кре-

ститъ ихъ, даетъ имъ зазженныя свѣчи, потомъ подводитъ ихъ къ амвону, опять благословляетъ, покрывая ихъ облакомъ курящагося ладона.

Далѣе начинается молитва, произносимая дьякономъ подаются кольца, которыми обмѣниваются женихъ и невѣста, не снимая ихъ никогда. Когда они наклоняютъ головы, попъ читаетъ имъ молитву*).

Послѣ этого съ первой невѣсты снимается покрывало, торжественно возлагаются вѣнцы и чету три раза обводятъ кругомъ надоя; при этомъ попъ держитъ ихъ за руки, и за нимъ идутъ дьячки и дружки, всѣ съ горящими свѣчками, распѣвая гимны, оглащающіе церковь. Какъ символъ счастливой будущей жизни, молодымъ подается чаша съ краснымъ виномъ, изъ которой они, по перемѣнно пять разъ, прихлебываютъ до тѣхъ поръ, пока не осушатъ совершенно; наконецъ, они смотрятся въ зеркало, которое подаетъ имъ священникъ(?). Потомъ вѣнцы снимаются, невѣста опускаетъ свое бѣлое покрывало и произносится окончательное благословеніе.

Теперь намъ надобно протолкаться въ самую кучу родственниковъ, чтобъ видѣть, какъ они

---

*) Примѣчаніе перев. Здѣсь и еще въ двухъ или трехъ мѣстахъ мы выпустили молитвы, извѣстныя каждому Русскому читателю, но которыхъ текста у насъ не было.

отводятъ невѣсту въ отдаленный уголъ церкви, гдѣ старыя бабы снимаютъ съ нея покрывало, чешутъ ей волоса передъ сборищемъ, и когда заплетаютъ ей косу, подходитъ женихъ и садится рядомъ съ молодой, держа свѣчный въ рукѣ, и, повидимому, глубоко призадумавшись; потомъ надѣваютъ на нее кокошникъ, знакъ женщины, и съ торжествомъ ведутъ въ домъ ея мужа. Здѣсь она садится въ передній уголъ; все начинаетъ веселиться, за исключеніемъ самой невѣсты, и ея молодыхъ подругъ, которыя оплакиваютъ ея бракъ или поютъ ей похвалы.

Вы догадаетесь, что я описываю вамъ крестьянскую свадьбу; чтобы видѣть ея національный характеръ, надобно сойти по общественной лѣстницѣ въ самые нисшіе ряды Русской жизни. Но позвольте перемѣнить сцену и повести васъ на кладбище. Хотя описаніе смерти — предметъ моего пира, но вы не бойтесь моей печальной картины; потому что аристократъ, котораго я провожала до могилы, возбуждаетъ по себѣ размышленіе но не стоитъ искренней слезы. Это былъ отставной куртизанъ, безъ характера, безъ уваженія, безъ друзей; ничего не зная изъ природы, кромѣ вышитыхъ цвѣтовъ на его мундирѣ, не имѣя ни одного высокаго порыва души и не думая ни о чемъ, какъ о снисканіи чиновъ, онъ не оставилъ по себѣ въ мірѣ другого слѣда, кромѣ пыли внѣшнихъ почестей.

Я не стану разсказывать вамъ, что происхо-

дило надъ его прахомъ въ домѣ; это значило бы повторять себя. Перейдемъ въ церковь. Здѣсь гробъ его поставленъ среди собранія, окруженный множествомъ церковниковъ съ горящими факелами. Тропари, эктеньи, молитвы, поминанія, куреніе ладономъ, благословенія, занимаютъ время между появленіемъ гроба и началомъ большой панихиды. По окончаніи ея, попы выходятъ изъ алтаря, становятся вокругъ и поютъ очень грустную церковную пѣснь.....

Это пѣніе и кажденіе ладономъ продолжается около часу; но самая торжественная молитва за упокой души поется въ то время, когда прощаются близкіе родственники съ своимъ покойникомъ. Потомъ священникъ произноситъ слова отпущенія и клядетъ въ руки усопшаго листъ бумаги, называемый паспортомъ; въ этомъ паспортѣ означается вѣроисповѣданіе умершаго и просьба о прощеніи его грѣховъ. Наконецъ закрывается гробъ и опускается въ могилу.

Никогда я не забуду однихъ похоронъ, которыя я видѣла въ ясный летній день въ Петербургѣ, случайно вошедъ въ церковь въ ту самую минуту — когда бѣдное семейство, собравшись около гроба, отдавало послѣдній поцѣлуй покойнику. Эта печальная картина глубоко запала въ мою душу. Но пора кончить письмо; иначе оно своимъ похороннымъ шагомъ не поспѣетъ на почту. Притомъ, я слишкомъ ужъ росписалась. Прощайте.

Троицкое. 21 марта. 1806 г.

Этотъ листокъ лежитъ передо мной со вчерашняго дня; я хотѣла отвѣчать на ваше письмо, любезный А....., полученное мной въ Москвѣ и которое выбило изъ моего сердца радость, подобно жезлу Моисея, ударившему въ пустынную скалу; но помѣрѣ того, какъ я писала, тонъ его становился болѣе и болѣе угрюмымъ, такъ-что зимняя буря, завывающая реквіемъ надъ кораблекрушеніемъ, не такъ печальна, пасмурна и безотрадна, какъ было настроеніе моего письма; я вскочила со стула, позвала Элеонору и попросила открыть мой чемоданъ, разложить вещи по своимъ мѣстамъ и привести все въ порядокъ по возвращеніи изъ Москвы.

Вы не можете вообразить, какъ утомительны Русскія дороги. Отъ частой ѣзды, онѣ обращаются въ какія-то безобразныя кучи льда и снѣга, изрытыя ухабами, по которымъ вы не ѣдете, а прыгаете. Въ иной ямѣ вы остаетесь минутъ двадцать, откуда лошади не въ состояніи вытащить васъ и имъ помогаетъ прислуга, подхватывая возокъ съ обѣихъ сторонъ. Притомъ возокъ, въ которомъ ѣхала я съ Анной Петровной,*) былъ натыканъ подушками, письменными ящиками,

*) Имя родственницы Дашковой, дѣвицы Исленьевой. Прим. Брадфордъ.

одной собакой и другими дорожными надобностями; такъ, что когда весь этотъ грузъ, подъ луннымъ свѣтомъ, остановился у подъѣзда въ Москвѣ, намъ недоставало только нѣсколькихъ слоновъ, чтобъ представить Индійскую армію. Но кромѣ толчковъ, отморозовъ и невыносимой усталости, мы еще сердились на то, что такъ рано оставили Москву.

Сердилась Анна Петрова, М... и я; что же до княгини — милая женщина! она едва скрывала свой восторгъ, возвращаясь въ Троицкое, изъ котораго она сама никогда не выѣхала бы, и жертвовала каждогоднымъ визитомъ Москвѣ единственно ради другихъ.

Между тѣмъ, какъ мы ворчали, сердились и грустили, кучеръ, торжественно выѣзжая изъ Москвы, погрузилъ насъ въ ухабъ на всемъ лету, такъ что гримасы и слезы, кресты и ликеры, неудовольствія и мѣшечки, подушки и образа, изрѣзанный на куски языкъ, пирошки, оленій рогъ и болонка — все перемѣшалось въ нашей каретѣ.

Наконецъ общее молчаніе было прервано вопросомъ: „Eh bien, ma chère amie, pour l'amour de Dieu, êtes-vous en vie?“ — сказала моя спутница, какъ только опомнилась отъ испуга. „Non, отвѣчала я; je meurs tout-à-l'heure, et toutes mes jouissances en ce moment ressemblent peu aux plaisirs terrestres que nous regrettons là-bas, à Moscou.“

Повтореніе подобныхъ приключеній было един-

ственнымъ разнообразіемъ нашего пути, на разстояніи двадцати часовъ; Русскіе путешествуютъ и днемъ и ночью, за неимѣніемъ хорошихъ станціонныхъ домовъ. Впрочемъ погода была теплая, что защитило насъ отъ ночныхъ морозовъ, а сѣверная аврора, съ помощію снѣжныхъ отблесковъ, вела насъ въ темную пору до самого Серпухова. Здѣсь мы расположились отдыхать въ собственномъ домѣ княгини и пробыли до вчера середы; на дворѣ была изморозь.

Пустынныя, плоскія, покрытыя безпредѣльными снѣгами окрестности, тонули въ туманныхъ облакахъ надъ широкимъ горизонтомъ. Какъ печальна зима, не одушевленная человѣческой жизнію. Природа, казалось, навсегда замерла. Черныя полосы угрюмыхъ, безшественныхъ, холодныхъ лѣсовъ означали намъ приближеніе къ Троицкому, которое наконецъ показалось изъ за темной дубравы; изъ церкви пахнуло запахомъ ладона и раздались звуки благодарственнаго молебна, который служили по случаю нашего благополучнаго пріѣзда.

Мы вошли въ комнаты и застали М... лежащей на софѣ; она прежде насъ пріѣхала съ княгиней, совершенно измученная; притомъ она простудила горло и слегла въ постель; но теперь здорова. Добрая княгиня постоянно сидѣла у постели ея....

Въ лицѣ, поступкахъ и словахъ Дашковой

выражается какая-то живость, которая вмѣстѣ съ ея разнолзычнымъ говоромъ сообщаетъ наивность ея характеру и необыкновенно потѣшаетъ меня. Сегодня утромъ говоря мнѣ о прелести Троицкаго и, прочистивъ замерзшія окна, она воскликнула: „Now, I pray you, dear sister Kaitia, admire with me my beautiful Troitskoe. Look, have you seen or in Italy, or in France (mais c'est un vilain pays) même en Angleterre, a *ting* so perfect as cette superbe prairie à l'autre cotè de la rivière? Tell me out true, is it not un vrai paradis?"

— „Но я, княгиня, ничего не вижу, кромѣ снѣгу; прошлый октябрь былъ очень зеленъ и хорошъ; но теперь я ничего, равно ничего не понимаю, о чемъ вы говорите."...

25 Марта, третьяго дня она забрела въ мою комнату, съ апельсинной коркой въ рукѣ и прекраснѣйшимъ ожерельемъ, состоящимъ изъ четырехъ нитей отличнаго жемчуга; она просила меня сказать М...., что аптекарь прислалъ ей этотъ подарокъ для ея горла. Эта выдумка такъ потѣшала Дашкову, что она, расхаживая по комнатѣ и смѣясь надъ всевозможными докторами въ мирѣ, которые посылаютъ жемчугъ вмѣсто пилюль. Въ этихъ мелочахъ видѣнъ характеръ княгини.

Но поговоримъ о чемъ нибудь другомъ. Мнѣ хочется отослать васъ назадъ въ Москву и повести на самую вѣжу одной колокольни, съ которой открывается великолѣпный, поразительный

видъ; вы увидите грандіозную сцену, которой мы наслаждались недѣли двѣ тому назадъ. Эта колокольня, называется Иваномъ Великимъ, самая замѣчательная рѣдкость Кремля, возвышающаяся надъ Москвой, въ самомъ центрѣ города. Военные доспѣхи висятъ по стѣнамъ церкви и императорскій орелъ распустилъ свои золотыя крылья. Рѣка серебрянымъ кольцомъ вьется по городу и представляетъ самую свѣтлую линію среди окружающихъ ее предметовъ. На ея ледянемъ покровѣ замѣчается необыкновенная жизнь — тамъ наѣздники на лошадяхъ различныхъ породъ, тамъ катанье на санкахъ, дальше ледянныя горы, съ которыхъ молніей спускаются на салазскахъ. Отдаленная часть рѣки изрѣзана прорубями, гдѣ прачки моютъ бѣлье, не чувствуя холода; тамъ огромныя корзинки съ рыбой, опущенныя подъ ледъ и. т. д.

Физіономія Москвы попреимуществу Татарская. На нѣкоторыхъ колокольняхъ кресты возвышаются надъ луной — какъ символъ побѣды христіанства; вызолоченые куполы чудесно горятъ подъ лучами солнца. Блестящіе шпицы, металическія крыши, громадные дома, съ чудовищными подъѣздами, окруженные полисадами; арки, театръ, госпитали, монастыри, сады и площади все это сливается въ самую разнообразную и самую безхарактерную массу, свойственную одной Москвѣ.

Но нѣтъ ничего интереснѣе, какъ видъ цер-

квей, которыхъ внѣшнія стѣны иногда покрыты образами святыхъ гигантскаго размѣра. Передъ ними толпится множество народа, молящагося и падающаго низъ съ усердіемъ, болѣе похожимъ на идолопоклонство, чѣмъ на истинную религію.

И такъ я сводила васъ на Ивана Великаго, теперь попрошу воротиться въ Троицкое отдохнуть съ нами среди нашей феудальной лѣни; потому что, если вамъ угодно знать мое мнѣніе о Россіи, она еще находится въ четырнадцатомъ или пятнадцатомъ вѣкѣ. Ну да, я знаю хорошо роскошь Москвы и цивилизацію Петербурга. Но развѣ вы никогда не видѣли деревенскую, грубую, невѣжественную дѣвушку двѣнадцати лѣтъ съ Парижской шляпой на головѣ? Въ такомъ видѣ представляется мнѣ это императорское правительство. Въ нѣсколько столѣтій, нѣтъ сомнѣнія, Россія войдетъ въ общую систему Европейскихъ народовъ; время должно разорвать обручи, которые связываютъ дерево, прежде чѣмъ оно окрѣпнетъ и утвердится на своемъ собственномъ корню; слишкомъ поспѣшныя мѣры лишили бы его послѣдней жизни: то же можно сказать о Русской политической свободѣ и цивилизаціи. Впрочемъ это не мое дѣло.

Я хочу ввести въ залу, гдѣ дюжина рабовъ, съ хлѣбомъ и солью, ожидаетъ княгиню. Когда она покажется, они падаютъ ницъ и цѣлуютъ землю, съ тѣмъ пассивнымъ повиновеніемъ, кото-

рое выражаетъ самоуничтоженіе передъ лицомъ высшей власти. Кроткость Дашковой ставитъ ихъ въ лучшее положеніе, чѣмъ, обыкновенно, они пользуются. Каждый помѣщикъ маленькій царь своихъ крестьянъ; онъ можетъ быть для нихъ и ангеломъ и чертомъ. Послѣдняя сторона перевѣшибаетъ первую; потому что трудно быть ангеломъ тому, у кого въ рукахъ находится самодержавная власть. Я смотрю на каждаго Русскаго плантатора, какъ на желѣзное звѣно въ огромной цѣпи, оковывающей это царство; и когда я встрѣчаюсь съ ними въ обществѣ, невольно думаю, что они сами крѣпостные люди деспота. По мнѣнію большинства — *порокъ и добродѣтель* здѣсь служать синонимами *милости* или *немилости*. Личный характеръ замѣняется *службой;* уваженіе опредѣляется придворнымъ календаремъ; но не оцѣнкой заслугъ. Если-бъ мнѣ нужно было знать добродѣтели Русскаго куртизана, мнѣ стоитъ только взглянуть на его мундиръ, счесть эти четыре главныя и неопровержимыя добродѣтели, т. е. красную Александровскую ленту, голубую Андреевскую, орденъ св. Георгія, св. Владиміра. Неусыпное соисканіе *милости,* истекающей отъ лучезарнаго трона, приближаетъ каждаго чиновника къ принятію императорскаго знака, на чемъ бы онъ ни положилъ свой оттискъ — на ослѣ или змѣѣ.

Вслѣдствіе всего этого на самыхъ манерахъ

лежитъ соотвѣтственная печать; люди вообще алчны до пріобрѣтеній даровыхъ, тѣмъ болѣе Московскіе дворяне, которыхъ блескъ уменьшается по мѣрѣ разстоянія отъ Петербурга и императорскаго двора.

Но довольно и объ этомъ. Поговоримъ о чемъ нибудь пріятномъ. Я слышу вашъ вопросъ: „но почему же она не оставляетъ Москву?“ Не смотря на все, что я сказала, здѣсь тысячи удовольствій, вознаграждающихъ недостатокъ привлекательности или очевидную неискренность этого общества. Въ развлеченіяхъ его, напримѣръ, есть чудесное катанье съ ледяныхъ горъ, прогулка въ саняхъ, живописный и оригинальный костюмъ, зимнія собранія и вечера, сухость климата и эластичность воздуха, печки, бани — все это очень нравиться мнѣ. Я не часто спускаюсь съ ледяныхъ горъ, но гуляю около нихъ почти каждый день передъ завтракомъ.

Понедѣльникъ. 24 марта, 9 часовъ. Я только что была въ саду, который кажется осыпанъ брилліантами: такъ красивъ морозъ, озаренный утреннимъ солнцемъ. Я посѣтила оранжерей, гдѣ цвѣтутъ розы, гераніи, лимоны, гвоздика и фруктовыя деревья; я перемолвила нѣсколько словъ по-русски съ Ѳедоромъ садовникомъ; но въ этомъ отношеніи я теряю всякую надежду.

Вчера во время обѣда, пріѣхалъ изъ Москвы курьеръ, и привезъ мнѣ письма. Теперъ я не

буду душить васъ своими посланіями; но пріятно слышать, когда говорятъ, что для васъ есть письма, особенно когда отвѣтъ можно получить только черезъ три мѣсяца. Но письмо мое, милая А, кончено.

---

Троицкое. 23 іюня. 1806 г.

Какъ, неужели вы забыли, что я не въ Италіи или Франціи и что единственнымъ разнообразіемъ въ этомъ году были для меня три окаменѣлыхъ мѣсяца, проведенныхъ въ Москвѣ. Но будьте увѣрены, что я провела Русскую весну не безъ знакомства съ тѣмъ баснословнымъ міромъ, который воспѣвается въ народныхъ пѣсняхъ и носитъ отпѣчатокъ языческаго суевѣрія съ христіанскими понятіями. Но какъ я смѣю касаться обрядовъ великаго чернаго духа — который нѣкогда скрывался въ священныхъ лѣсахъ, потрясалъ землю бурями, говорилъ громомъ и требовалъ человѣческихъ жертвъ. Нѣтъ, яліяніе этого чудовища еще присутствуетъ повсюду — на поляхъ, въ ручьяхъ, въ дубровахъ и потому я не дерзаю сказать ни слова. Чтобъ укротить его гнѣвъ, ему доселѣ деревенскіе жители приносятъ пищу и вѣнки, которые я видѣла на мощахъ умершихъ.

Есть и женскій духъ, который менѣе страшенъ по причинѣ своего очаровательнаго голоса и зеленыхъ кудрей. Эта богиня, господствующая въ умахъ всѣхъ поселянъ, называется *Русалкой*. Она чешетъ свои длинные локоны, сплетаетъ вѣнки изъ прекраснѣйшихъ весенныхъ цвѣтовъ, вѣшая ихъ между тростникомъ; и въ эти минуты она вздыхаетъ, когда приближается къ ней смертный. Нимфы ея блуждаютъ по лѣсамъ и рѣкамъ, очаровывая ихъ своими чарами.

Однажды я встрѣтилась съ группой молодыхъ дѣвушекъ, бродившись на берегу рѣки и тихо посматривавшихъ на ея воды. Подошедъ ближе, я увидѣла, что онѣ бросали въ нихъ гирланды васильковъ; смотря потому какъ уносилъ ихъ рѣчной потокъ, онѣ гадали о своей судьбѣ въ наступающемъ году.

Остановливаясь на предметѣ Русскаго народнаго чародѣйства, я не могу не разсказать вамъ одного приключенія со мной. Замѣтьте, что каждое новорожденное дитя, по повѣрью, окружается чарами злыхъ и завистливыхъ духовъ; которые съ ненавистью стерегутъ каждый шагъ его радостной и счастливой жизни. Прогуливаясь недавно въ саду, я съ удивленіемъ остановилась передъ хорошенькимъ малюткой, лежавшимъ въ корзинкѣ за спиной матери. Я истощила все знаніе Русскаго языка называя его красавцемъ, ненаглядымъ, добренькимъ и проч. но, къ край-

нему моему изумленію, мать съ тревожнымъ взглядомъ, раскрыла дитя и начала облизовать его съ ногъ до головы. Я подумала, что она приняла меня за чорта, и поскорѣй скрылась въ кустахъ. Встрѣтивъ княгиню, я разсказала ей это происшествіе, которое она объяснила мнѣ. Дѣло въ томъ, что бѣдная женщина боялась что я *сглазила* ее ребенка, т. е. она вѣритъ, что враждебныя феи, ухаживающія за нимъ, накажутъ его за эти похвалы и, потому облизавъ его, она хотѣла тѣмъ очистить свое дитя отъ моихъ ласковыхъ словъ и отвѣсти месть адскаго духа.

Эта недѣля была самая веселая для насъ; домъ былъ полонъ гостей и между нами избраннымъ гостемъ былъ племянникъ Дашковой, съ женой и маленькой дочерью. Ради развлеченія, мы по одному вечеру отправились въ имѣніе княгини, которое она не видѣла восемъ лѣтъ. Такъ какъ ея не было въ нашей компаніи, то племянникъ предложилъ подарить ее нечаяннымъ сельскимъ праздникомъ въ этой дикоромантической деревнѣ. Надобно было разчистить ее и привести все въ порядокъ. Крестьяне этого села, (Ерлова) вмѣстѣ съ другими слугами, должны были все приготовить; въ четыре дня наша работа была окончена.

Впродолженіе этого времени мы исподтишка наблюдали за приготовленіями, поочередно отлучаясь изъ дому. Я бывала тамъ каждое утро;

отсутствія моего не замѣчали. Такимъ образомъ мы устроили изъ ручья каскадъ, падающій на скалу, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовали гроты, зеленую лужайку и разставили стулья.

Наконецъ, когда все было готово, явилась княгиня; она изумилась, когда ее начали угощать фруктами, сливками и проч., крестьяне въ праздническихъ платьяхъ, съ цвѣтами, окружили ее и начали пѣть и плясать передъ ней.

Это Ертово — крошечная Швейцарія, представляющая въ миніатюрѣ тотъ же живописный характеръ. Послѣ этого праздника мы всѣ упрашивали княгиню соединить Ертово съ Троицкимъ, алеями, устроить и украсить этотъ милый уголокъ земли; но Дашкова приросла къ Троицкому, какъ къ раковинѣ и находитъ его земнымъ раемъ. Впрочемъ М.... одержала побѣду и, кажется, княгиня сдается на все.

31 Іюня. О! какъ весело получать письма. Не менѣе трехъ я получила изъ двухъ домовъ; они послужили мнѣ ужиномъ. Прощайте.

---

*Его Священству Дж. С.*

Троицкое, 14 окт. 1806 г.

Мы отправляемся къ св. гробу Димитрія Ростовскаго, патрона семейства Воронцовыхъ. Но

я намѣрена остановиться не надолго въ Москвѣ и познакомить васъ съ ея лѣтней жизнію. Она вовсе не походитъ на зимнюю; городъ совершенно перемѣняется. — Звонъ колоколовъ, на ея безчисленныхъ колокольняхъ, невыносимая мука для моихъ нервовъ. Что же касается до мухъ и комаровъ, ни въ одной южной странѣ нѣтъ такихъ злыхъ насѣкомыхъ. Впрочемъ, я должна отдать справедливость Москвѣ въ другихъ отношеніяхъ. Ея бульвары и общественныя гульянья въ лѣтніе вечера — восхитительны; и вы можете составить о нихъ нѣкоторое понятіе, если я скажу вамъ, что кромѣ обширныхъ садовъ, окружающихъ домы частныхъ лицъ, здѣсъ есть одинъ, состоящій не менѣе, какъ изъ четырнадцати Англійскихъ десятинъ, принадлежащихъ дворцу графа Остермана, въ самомъ центрѣ города.

Цвѣточный рынокъ, по богатству своихъ произведеній, можетъ спорить съ Лондонскимъ или Парижскимъ. Фрукты въ необыкновенномъ изобиліи; потому оранжеріи считаются здѣсь почти необходимой принадлежностью жизни и устроены на широкую руку. Арбузы славятся своей величиной и отличнымъ вкусомъ; ими, обыкновенно, утоляютъ жажду въ лѣтнее время.

Говоря о фруктахъ, я не могу не похвалить Сибирскихъ яблокъ, совершенно прозрачныхъ и такой величины и вкуса, какихъ я еще не ѣла.

И такъ мы оставили Москву 11 августа, ве-

черомъ, въ сопровожденіе двухъ кавалеровъ, родственниковъ княгини. На разстояніи сорока трехъ верстъ мы ѣхали восхитительной дорогой, обставленной прекрасными дачами купцовъ, хорошо расположенныхъ помѣщичихъ домовъ; одинъ изъ нихъ принадлежитъ графу Разумовскому, окруженный лѣсомъ и омываемый рѣкой; потомъ мы проѣхали имѣніями Муромцова и князя Голицына, съ превосходными мѣстностями. Наконецъ мы прибыли къ Небольсиной, гдѣ насъ упросили остановиться прежде чѣмъ мы отправились въ Троицкую лавру — это Русское Лоретто. У Небольсиной мы нашли большое собраніе окружныхъ помѣщиковъ, и насъ встрѣтили музыкой, баломъ и другими увеселеніями. Эта женщина очень, даже очень веселая вдова, живущая, подобно королевѣ, въ ея богатомъ имѣніи, среди садовъ, устроенныхъ въ Англійскомъ вкусѣ.

На другое утро мы занялись осмотромъ бань, теплицъ, Англійской фермы, конскихъ заводовъ и другихъ заведеній, перенесенныхъ изъ иностранныхъ земель.

Послѣ обѣда мы сѣли въ открытыя коляски и отправились въ сосѣднее село князя Юсупова посмотрѣть на его мануфактуру; здѣсь дѣлаются шали и шелковыя матеріи отличной работы, едва ли уступающей Ліонскимъ фабрикамъ. Князь содержитъ это заведеніе на извѣстныхъ условіяхъ отъ правительства. У него работаетъ семь сотъ

человѣкъ, и они отвѣчаютъ за всякое поврежденіе зданій или машинъ. Но его безмѣрное состояніе, впрочемъ, состоитъ не въ одной этой мануфактурѣ; онъ держитъ бумажную и, кажется, часовую фабрику.

На слѣдующій день мнѣ случилось видѣть водоосвященіе; сцена самая театральная. Попы вооруженные золотыми крестами, хоругвями, иконами, сопровождаемые всей деревней, одѣтой въ лучшее праздничное платье, подошли къ рѣкѣ, и освятили ее воду съ разными религіозными обрядами.

До Троицкаго монастыря еще оставалось пятьдесятъ восемь верстъ; къ счастію, большая часть пути промигала подъ тѣнью лѣсовъ и оживлялась многими прекрасными селами, съ непремѣнной церковью и высокимъ теремомъ надъ темными группами деревьевъ, отражая лучи солнца вызолоченными куполами, крестами и главами.

Перспективы окружавшихъ насъ лѣсовъ перерѣзывались желтыми пажитями, между тѣмъ какъ по сторонамъ дороги волновалось море полевыхъ цвѣтовъ, необыкновенно одушевляющихъ сцену.

Мы ѣхали и днемъ и ночью и только на слѣдующій въ четыре часа достигли Троицы. Здѣсь намъ приготовили небольшой деревянный домикъ, но мы заблагоразсудили спать въ своихъ каретахъ и спали подъ защитой огромнаго сарая, гдѣ стояли экипажи путешественниковъ всѣхъ родовъ,

кормились, ржали, фыркали и лягали лошади, на всей своей свободѣ.

Поутру, когда мы открыли глаза на своихъ четвероногихъ друзей, ихъ скоро поворотили къ монастырю, который показался передъ нами во всемъ его готическомъ величіи, окруженный стѣнами, защитившими нѣкогда Петра I.

Хотя Екатерина II обрѣзала земныя стяженія этого духовнаго учрежденія, отобравъ у него семьдесятъ тысячъ крестьянъ, за что было назначено отъ казны самое ничтожное вознагражденіе, за всѣмъ тѣмъ доходы его, собираемые съ богомольцовъ, огромные. Когда Дашкова посѣтила гробницу св. Сергія, рака была открыта двумя священниками; они отслужили надъ ней панихиду, давъ ей поцѣловать крестъ и за тѣмъ тощій, изможденный и черный палецъ святаго. Что же касается до самого тѣла, ничего не льзя было видѣть кромѣ краснаго шитаго покрова и деревянной головы, на которую былъ надѣтъ вѣнецъ изъ драгоцѣнныхъ камней. И чего не было внутри самой раки! золотомъ вышитая риза, осыпанная перлами; кругомъ висѣли ордена и портреты, въ брилліантовыхъ оправахъ, императорскіе гербы и прочія шалости человѣческой суеты.

Архіепископъ Платонъ, одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ людей въ Россіи, настоятелемъ этого монастыря. Онъ-смѣсь всего противоположнаго религіозному характеру и политическому состоя-

нію страны; но въ первомъ отношеніи онъ такъ искусно разыгрываетъ свою роль, исполняя всѣ внѣшнія формы, что народъ глубоко почитаетъ его; въ послѣднемъ случаѣ его вліяніе и тонкій взглядъ на вещи внушаютъ къ нему уваженіе двора; вообще онъ признается однимъ изъ первыхъ колесъ въ государственной машинѣ.

Нанюхавшись ладону у гроба св. Сергія, гдѣ говорятъ, каждый день, совершаются чудеса, мы пошли, подъ прикрытіемъ монаховъ, осматривать монастырскія сокровища. Они выставлены, какъ рѣдкости музеума, въ нѣсколькихъ комнатахъ, по стѣнамъ которыхъ развѣшаны стеклянныя ящики, а въ нихъ хранятся, по крайней мѣрѣ, до пяти сотъ ризъ, сосудовъ, покрововъ и всѣвозможныя приношенія каявшихся грѣшниковъ — и все это Азіятски-роскошно и богато. Здѣсь есть, между прочимъ, чаши, подаренныя Екатериной II, изъ превосходнаго матеріала и изящной отдѣлки; одна чаша, напримѣръ, изъ оникса, оправленная алмазами; другая изъ цѣльнаго „кровавика“ съ опаловой ручкой и пьедесталомъ; нѣкоторые литого золота, оправленные перлами. На ризахъ поповъ я замѣтила билеты, съ надписью, сколько фунтовъ вѣсятъ дрогоцѣнные камни и шитье — иногда восемь, иногда десять и даже двѣнадцать.

Чтобъ отвести нашъ взоръ отъ всей этой блистательной маски идолопоклонства, мы взобрались на высокую каланчу, откуда расбрасывается

прекрасный видъ на окресности; между живописными предметами этой сцены самая привлекательная вещь — кѣльи архіепископа Платона. Но возвращаюсь къ разсказу о нашемъ путешествіи. На другое утро мы поднялись вмѣстѣ съ пѣтухами и, проѣхавъ тридцать верстъ, укрылись отъ дневнаго жара въ Кирибировѣ, Владимірской губерніи, гдѣ наши сіятельства провели часа четыре на чердакѣ; между тѣмъ какъ возлѣ лѣса былъ разведенъ огонь и, подъ голубымъ сводомъ неба, готовился обѣдъ. Иногда мы спали на сѣнѣ, а наши горничныя, вооруженныя зелеными вѣтвями, отгоняли отъ насъ мухъ. Когда жаръ умѣрился, мы подвинулись впередъ еще на тридцать верстъ и провели эту ночь на берегахъ знаменитаго Переяславскаго озера. На этомъ-то лоскуткѣ воды, Петръ I испыталъ въ первый разъ свою юношескую руку въ томъ искусствѣ, которое выдвинуло его страну, можетъ быть, преждевременно на путь цивилизаціи.

Въ слѣдующій день мы проѣхали шестьдесятъ верстъ и ночью прибыли въ святой Ростовъ, гдѣ, по обыкновенію, главные его чиновники, одѣтые въ полные мундиры, встрѣтили княгиню въ воротахъ и проводили ее до собора; здѣсь мы вылезли и сквозь густую толпу прошли къ серебряному гробу св. Димитрія. Послѣ обычныхъ поклоненій, княгиня заказала церковникамъ служить обѣдню на другой день, въ десять часовъ, при-

чемъ она приложилась къ мощамъ и отправила другія церемоніи.

Если вамъ надоѣли эти старые нетлѣнные джентльмены, какъ они надоѣли мнѣ, то нѣтъ надобности повторять о тѣхъ обрядахъ, которые выполнила Дашкова: они всегда одни и тѣже. Я увѣрена, что вамъ интереснѣе видѣть массивныя двери собора затворенными и пройдти вмѣстѣ съ княгиней къ архимандриту, который предложилъ ей свой гостепріимый домъ. Этотъ почтенный игуменъ, съ длинными волосами, раскинутыми по плечамъ, съ сѣдой бородой, въ длинополой рясѣ, провелъ насъ въ свою келью. Эта келья состояла изъ нѣсколькихъ великолѣпнообставленныхъ комнатъ, украшенныхъ италіянскими фресками и императорскими портретами на стѣнахъ; передъ краснымъ диваномъ, на которомъ усѣлась княгиня, стоялъ столъ, покрытый разнообразными яствами; хозяинъ пригласилъ насъ откушать его трапезы, между тѣмъ, служки разносили чай, кофэ, шоколадъ, пирожки, путаясь въ своихъ келейныхъ болохонахъ и раздувая воздухъ длинными хвостами.

Теперь, закусивъ въ кельѣ Ростовскаго архимандрита, вы можете воротиться со мной въ Москву и послѣ девятидневнаго путешествія, отправитесь въ нашъ замокъ и, разумѣется, пріѣдите сюда въ пыли, утомленными, голодными и съ разстроеннымъ мозгомъ.

Черезъ нѣсколько нѣдель мы опять двинемся въ Москву; но пока прощайте.

---

Троицкое. 21 окт. 1806 г.

Я ужъ говорила о своихъ лѣтнихъ приключеніяхъ; и за тѣмъ что же разсказывать, если только воображеніе не поможетъ раскрасить происшествія нашей обыденной жизни. Но фантазія сильно работаетъ на сѣверѣ; и если это замѣчаніе справедливо относительно лицъ, то оно не менѣе справедливо и относитетьно книгъ. Со временъ Тома Сёмба никогда здѣсь не было такого наводненія романовъ, какъ въ послѣднее время. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ, мнѣ хотѣлось имѣть нѣкоторыя Русскія книги и одна мнѣ была дана, втоль знаменитая, что будто бы переведена на всѣ языки; но увы! по переводу я увидѣла, что безжалостно-приторная Англійская повѣсть, умилающая сердце модистокъ, покажется Шекспиромъ въ сравненіи съ тѣмъ, что мнѣ предложили. Но что же дѣлать? Бесѣдовать съ молодыми медвѣжатами — это значитъ вѣчно говорить о ихъ домашнихъ дѣлахъ и расходахъ. Конечно, вы знаете, что каждая здѣсь женщина имѣетъ свое состояніе, независимо отъ мужа. Поэтому бракъ нисколько не соединяетъ матеріальныхъ интере-

совъ; если богатая невѣста выходитъ за бѣднаго мужа, онъ не смѣетъ распорядиться ни одной копѣйкой изъ ея состоянія. Эта черта кладетъ особенный оттѣнокъ на разговоръ Русскихъ барынь, который Англичанкѣ можетъ показаться удивительно свободнымъ среди деспотическаго правленія.

Бѣдные мужья! когда приходятъ ихъ имянины, жены дарятъ имъ зубочистки, табатерки; а они, въ этомъ случаѣ, дарятъ своихъ женъ Турецкими шалями, вышитыми ридикулями, сережками и браслетами. — Собравшись въ кучку, Русскія матроны поютъ одну пѣсню о житейскихъ хлопотахъ, развѣ влетитъ въ общество самая нецеремонная кокетка и обратитъ на себя общее вниманіе выставкой брилліантовой короны или ожерелья, и затѣмъ вы немедленно услышите сколькихъ крѣпостныхъ людей оно стоило.

Это письмо пролежало нѣсколько дней у меня въ столѣ, и я забыла, на чемъ остановилась. Но съ чего бы не начать — все равно. Я разскажу вамъ объ одномъ Грузинскомъ князѣ, котораго я видѣла въ Москвѣ прошлаго августа, по возвращеніи изъ Ростова, на большомъ придворномъ вечерѣ, данномъ императоромъ въ Кремлѣ.

Праздникъ былъ данъ по случаю заложенія перваго камня въ основаніе какой-то академіи генералъ-губернаторомъ Беклешевымъ, при его отставкѣ; эту честь оказалъ ему преемникъ его по должности генералъ Тутолминъ. Валуевъ,

директоръ общественныхъ работъ, устроилъ для этого торжества палатки, подъ которыми собрались всѣ главные сановники, съ митрополитомъ и духовенствомъ и освятили заложеніе религіознымъ обрядомъ; въ заключеніе загремѣла многочисленная полковая музыка и пушечная стрѣльба съ крѣпости.

Среди этого собранія, меня поразила наружность Грузинскихъ фигуръ, одѣтыхъ въ ихъ живописный костюмъ, опоясанныхъ Турецкими шалями, въ желтыхъ сапогахъ и съ бриліантовыми перетнями на рукахъ. Они были представлены княгинѣ. Нѣкоторые изъ этихъ князей только что были привезены въ Москву на — слово. Отечество ихъ уже было давно подъ императорскимъ игомъ; но главный изъ нихъ вождь, надменный, безпокойный, съ дерзкимъ взглядомъ, съ дикими большими усами, руководилъ бунтомъ, соединившись съ Персами, и былъ взятъ въ плѣнъ среди самого сраженія. Сынъ его прекрасный семнадцатилѣтній юноша, отличался чрезвычайно грустнымъ выраженіемъ лица; между тѣмъ, какъ отецъ, казалось, съ удовольствіемъ и любопытствомъ смотрѣлъ на окружающую его сцену, распрашивая своего толмача о значеніи всего, что видѣлъ; въ то же время не льзя было не замѣтить въ немъ внутренняго сознанія своего мнимаго превосходства. Мнѣ было интересно видѣть этого плѣннаго полудикаря, съ его Азіятской сви-

той; я сидѣла противъ нихъ за великолѣпнымъ ужиномъ, которымъ окончилось торжество этого дня, поглядывая на нихъ сквозь вѣтки плодовыхъ деревьевъ, отѣнявшихъ столь свѣжей зеленью.

Есть еще исторія для васъ, и опять исторія пира, даннаго Дурасовымъ въ честь княгини, въ семнадцати верстахъ отъ Москвы на его чудесной дачѣ. Дурасовъ наслѣдовалъ огромное состояніе отъ своего отца, владѣвшаго въ Сибири золотыми пріисками; загородный домъ его истинный земной рай....

Я не стану останавливаться на роскоши стола, хотя все это было, какъ въ волшебномъ дворцѣ. Послѣ обѣда мы отправились гулять по саду, а вечеромъ собрались въ театръ. Не менѣе ста собственныхъ рабовъ Дурасова находились на сценѣ и составляли оркестръ; между антрактами исполнялся балетъ, все шло превосходно, и за всѣмъ тѣмъ тысячи извиненій были представлены хозяиномъ за недостатокъ игры, потому что полевыя работы лишили театръ почти всѣхъ актеровъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыхъ мы видѣли. Но театръ и вся обстановка сцены были чрезвычайно изящны. Между тѣмъ, посѣтителямъ, разносили фрукты, конфекты, чай, лимонадъ, мороженое, ликеры и зала окуривалась ароматическимъ порошкомъ.

Итакъ, если вы еще не заснули; то желаю вамъ доброй ночи, любезный Г..... Теперь я

намѣрена пополнить мое прежнее письмо о крестьянскихъ свадьбахъ. Я не разсказала вамъ о приготовленіяхъ наканунѣ вѣнчанія; о нихъ прошу послушать меня. Вы найдете нхъ необычайно интересными обычаями, сохранившими характеръ отдаленной древности. Во многихъ Русскихъ народныхъ обычаяхъ, въ ихъ сельскихъ увеселеніяхъ, суевѣріяхъ и чародѣйствѣ есть большое сходство съ Греческой жизнію, что указываетъ происхожденіе ихъ цивилизаціи. Трудно не замѣтить этого сходства; и это одно обстоятельство представляетъ особенный интересъ путешественнику, который можетъ наблюдать въ Русскомъ народѣ живую картину давно минувшихъ вѣковъ, столь тѣсно связанныхъ съ нашими первоначальными нравами.

Я разсказываю вамъ свадьбу Софьи, бывшей горничной М...; эту свадьбу мы отпраздновали на-славу.

Хотя я видѣла нѣсколько подобныхъ церемоній въ церкви, но никогда не рѣшалась участвовать въ самомъ дѣлѣ, боясь задохнуться отъ пара, потому что баня играетъ здѣсь главную роль. Не смотря на то, я рѣшилась до отъѣзда изъ Россіи познакомиться съ нимъ, и потому слушайте отъ начала до конца всю операцію.

Невѣста, заливаясь горькими слезами, садится въ передній уголъ за столомъ, покрытымъ плодами и пр.; женихъ подходитъ къ ней и, пода-

ривь ее разными нарядами, быстро изчезаетъ, сопровождаемый своими товарищами въ баню. Тогда хороводъ дѣвушекъ начинаетъ пѣть своего рода реквіемъ — свадебныя пѣсни.

Послѣ этого отводятъ въ баню невѣсту, окруженную ея молодыми подругами, которыхъ собирается отъ тридцати до сорока, онѣ раздѣваютъ ее въ передней комнатѣ и потомъ все еще плачущую и голую вводятъ въ самую баню. Раздѣвшись сами, они моютъ, вытираютъ ее, потомъ начинаютъ танцовать, бить въ ладоши, пить вино, которое раздаетъ одна Ева, сидящая съ бутылкой и стаканомъ въ рукѣ — а невѣста все плачетъ. За тѣмъ раздается круговая пѣсня, которой поттягиваютъ всѣ за исключеніемъ самой „*суженой*.“

Эта сцена продолжается съ часъ, и подъ конецъ принимаетъ видъ необузданнаго пира. Подружки разгоряченные виномъ, и паромъ, поютъ, и пляшутъ подобно Вакханкамъ, между тѣмъ, невѣста угрюмо молчитъ или плачетъ.

Отведенная домой, она опять садиться за столомъ и снова поются пѣсни. Послѣ нѣкоторыхъ мелочныхъ варіацій, пирушка заключается сытнымъ ужиномъ, а на другой день молодыхъ вѣнчаютъ. И за-тѣмъ конецъ моему письму и бумагѣ.

Москва. 2 февр. 1807 г.

У насъ все покрылось самымъ печальнымъ, безутѣшнымъ трауромъ. Смерть князя Дашкова обратила нашъ домъ въ кладбище. Я не стану описывать всѣхъ грустныхъ и тягостныхъ послѣдствій этого событія, и пройду молчаніемъ мрачныя сцены, вызванныя этой непредвидѣнной смертью.

Чтобы удалиться на время отъ печальнаго пепелища, мы проводили княгиню въ одинъ монастырь, называемый новымъ Іерусалимомъ, въ пятидесяти или шестидесяти миляхъ отъ Москвы. Между тѣмъ и приготовила посылку, чтобъ отправить ее изъ Петербурга моремъ. Возвращаясь домой, я боюсь Ирландскаго холода и сырости послѣ искуственной атмосферы Русскихъ печей, въ высшей степени удобныхъ. Здѣсь въ домахъ почти не знаютъ что такое холодъ; и когда выходятъ на улицу, одѣтые въ мѣховыя шубы, морозъ имѣетъ свою прелесть. Вы едва ли повѣрите, если я скажу вамъ, что Италіянская зима безпокоила меня больше, чѣмъ Русская.

Кажется я никогда не отрицала, что въ Россіи есть дерева, трава, вода и земля, кромѣ снѣгу. Но растительное царство здѣсь идетъ объ руку съ деспотической политикой; береза поэтическое произведеніе этой почвы, подобно тому, какъ тростникъ въ Ирландіи и виноградъ во Франціи;

не даромъ березу называютъ Русскимъ виноградомъ. Лѣса замѣчательные по красотѣ, и славятся великолѣпными соснами и другимъ строевымъ лѣсомъ; но я нигдѣ не встрѣчала такого изобилія и разнообразія ягодъ, какъ въ Русскихъ лѣсахъ. Но обращаюсь къ березѣ, и желаю, чтобы геній примѣнилъ ее только къ порокамъ, но не къ порабощенію ея обитателей. Но и тогда какъ грустно становится при взглядѣ на нее.

Говоря о Русскихъ народныхъ увеселеніяхъ, я хочу познакомить васъ съ святочными или рождественскими забавами въ крестьянскомъ быту. Представьте себѣ хороводъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя становятся кругомъ стола, подобно вѣдьмамъ Макбета. На столѣ помѣщается большой сосудъ, куда кладется не много хлѣба, воды, соли, и уголь; этотъ сосудъ покрывается другой чашкой, въ которую бросаются залоги гадальщиковъ — кольца, серьги, цѣпи и все это таинственно перемѣшивается вмѣстѣ. Гаданье начинается пляской и пѣснями. За-тѣмъ вынимаютъ жребіи, что совершается въ слѣдующемъ видѣ: сначала одинъ запѣваетъ аллегорическую пѣсню, потомъ подхватываетъ цѣлый хоръ; пѣсни полны желаніемъ счастія, любви и надежды. Во всемъ этомъ мечтательномъ и суевѣрномъ мірѣ много сходства съ Ирландіей. Я знаю одну очень милую дѣвушку, аристократическаго сословія, которая при-

ходитъ въ необыкновенный восторгъ, когда прачкѣ случится завернуть блоху въ ея чистое бѣлье.

Относительно этихъ народныхъ игръ, теперь выгнанныхъ изъ высшихъ слоевъ общества, княгиня разсказывала намъ, что въ былое время она участвовала въ нихъ съ императрицей. Вѣроятно, Екатерина была тогда еще великой княгиней и, какъ иностранка, хотѣла понравиться народу, не только примѣняясь къ обычаямъ, но и раздѣляя его суевѣрія.

..... Нашъ Польскій вопросъ вѣроятно осуществится осенью, и я надѣюсь скоро увидѣть васъ и своихъ сестеръ, которыхъ мнѣ ничто не могло замѣшать въ моемъ путешествіи.

Да благословитъ васъ Богъ. Скажите друзьямъ Елены, что она страшно здорова и говоритъ по Русски съ ужаснымъ аксентомъ.

Мы въ Москвѣ ничего не знаемъ изъ современной политики и повторяемъ однѣ сплетни противъ Петербурга. Княгиня писала молодой императрицѣ, рекомендуя ей съ самой лестной стороны М....

.... Сжальтесь надомной и пишите; я отпѣла и облѣнилась — за всѣмъ тѣмъ преданная вамъ навсегда.

БРЮЭНЪ.

Москва, мая 15, 1807 г.

Смерть князя Дашкова была сокрушительнымъ ударомъ для его семейства; нашъ домъ обратился въ молчаливый, мрачный монастырь. Но вотъ засвѣтило одно обстоятельство и, кажется, послужитъ утѣшеніемъ княгини. Къ намъ явилась новая личность, молодая княгиня Дашкова. Назадъ тому двадцать лѣтъ, она — пятнадцатилѣтняя дѣвушка блистательно начала обманчивую жизнь замужествомъ съ Дашковымъ, которое скоро обратилось въ источникъ горя, перенесеннаго ею безмолвно среди безвыходнаго уединенія. Я не стану говорить о тѣхъ обстоятельствахъ, которые послужили поводомъ ихъ разлуки; но жена осталась вѣрна сердцемъ своему мужу; она продолжала любить его неизмѣнно. Послѣднимъ распоряженіемъ умирающаго князя было обезпеченіе состоянія его супруги, женщины бѣдной. Въ припадкѣ скорби о его смерти, она, говорятъ, разорвала актъ по которому мужъ передалъ ей часть своего имѣнія, по — наслѣдству принадлежащаго его сестрѣ, какъ законной наслѣдницѣ.

Княгиня въ первый разъ написала ей письмо, вручивъ его Норовой и графинѣ Воронцовой, которые взялись лично передать его; по снѣгу и холоду онѣ отправились въ пустынную деревню вдовы и полуживую привезли ее въ Москву.

Вообразите встрѣчу двухъ княгинь, въ пер-

вый разъ въ жизни; симпатическая струна въ ихъ сердцѣ была затронута общей потерей. Но я не буду говорить подробно объ этой сценѣ. Достаточно сказать, что молодая княгиня тихаго нрава, добраго поведенія и всѣми силами старается заслужить любовь Дашковой, которая отвѣчаетъ ей самымъ нѣжнымъ сочувствіемъ; кажется, этотъ союзъ доставитъ имъ взаимное утѣшеніе и, можетъ быть, счастіе. Княгиня Анна живетъ вмѣстѣ съ нами и не оставитъ насъ до октября, когда она проѣдетъ въ свой собственный прекрасный домъ, купленный ей Дашковой.

Все это хорошо. Но когда же мы возвратимся въ Англію? я за себя не горюю; меня безпокоитъ отъѣздъ М..... Смерть Дашкова перепутала всѣ наши планы, перевернула весь домъ. При такомъ несчастіи, М.... не хочетъ и думать о разлукѣ съ своимъ другомъ; княгиня явно протестуетъ мнѣ, какъ и всему семейству, съ слезами на глазахъ, говоря, что она не переживетъ разлуки съ той, которую она любитъ, какъ свое собственное дитя.

Въ такомъ положеніи остается вопросъ, и М...., какъ романическая героиня, хочетъ доказать всю свою любовь и преданность княгинѣ въ эту минуту. Иначе чувствую я, и вы скоро увидите меня и Элеонору возвращающимися подобно Гюдибрасу и Ралефу, послѣ ихъ приключенія съ мѣдвѣдями.

На перекоръ всѣмъ обѣтамъ, любезная княгиня участвовала съ нами во всѣхъ праздникахъ, которыми здѣсь встрѣчаютъ начало весны, составляющей предметъ религіознаго обоготворенія. Остатки языческихъ обрядовъ, какъ мнѣ кажется, соединяются съ богослуженіемъ Греческой церкви, такъ что я боюсь, не присутствовали ли мы на сатурналіяхъ Майскаго дня, которыя за двѣ тысячи лѣтъ сердили стараго Катона.

Впрочемъ не безпокойтесь; какого бы ни было происхожденіе этихъ церемоній, мы вмѣстѣ съ другими участниками ихъ, не трогались изъ кареты, проѣзжая въ длинномъ ряду экипажей, между полицейскими чиновниками, сопровождавшими насъ съ обѣихъ сторонъ.

Но что за нелѣпость во всемъ этомъ! Если бъ вы нечаянно упали съ другой планеты во время пасхи и взглянули на городъ, загроможденный экипажами, набитыми людомъ въ самыхъ нарядныхъ костюмахъ, вы подумали бы, что вся Москва сошла съ ума. И если бъ вы спросили, что все это значитъ, я думаю, что ни одинъ Москвичъ не могъ бы дать вамъ удовлетворительнаго отвѣта. Поэтому я не стану осаждать васъ описаніемъ нашихъ прогулокъ, которыя при всей ихъ пустотѣ продолжались цѣлые часы, между тѣмъ княгиня, оставаясь дома, устроивала свой естественный кабинетъ; она лѣтъ тридцать не дотрогивалась до чемодановъ, а теперь открыла

ихъ, чтобъ подарить нѣкоторыя замѣчатетьныя вещи Московскому университету. Музеумъ его очень бѣденъ тѣми предметами, которые предлагаетъ ему Дашкова, какъ плодъ своихъ путешествій по Европѣ.

Княгиня во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ начинаетъ дѣйствовать такъ какъ будто съ этимъ міромъ разсчетъ ея кончился. Такъ она уже разослала нѣкоторыя вещи въ воспоминаніе своего имени — между прочимъ, она послала императору, молодой и вдовствующей императрицѣ, которые отвѣчали ей прекраснѣйшими письмами.

Изъ этого вы можете понять нравственное состояніе Дашковой; и хотя ни я, ни прочіе друзья не имѣютъ никакого повода ожидать скорой кончины ея, за всѣмъ тѣмъ грустно смотрѣть на ея печальные сборы. Мы ждемъ къ себѣ молодаго графа Воронцова, прекраснаго юношу по шестнадцатому году, котораго княгиня вмѣстѣ съ сыномъ своего брата, посланникомъ въ Лондонѣ, назначила наслѣдникомъ; графъ Воронцовъ, если позволитъ государь, соединитъ фамилію Дашкова съ своей собственной. Какъ только кончится его визитъ, мы оставимъ Москву и я буду собираться въ путь.

Сейчасъ я возвратилась съ обѣда, гдѣ присутствовалъ Молдавскій господарь, женившійся на племянницѣ княгини: длинная его борода, поясъ изъ шали, желтые сапоги, вообще турецкое платье

напомнило мнѣ нѣкоторыя восточныя картины мад. Котэнъ, въ ея очаровательномъ романѣ „Матильда.“ Если я не ошибаюсь, это одна изъ самыхъ лучшихъ Французскихъ повѣстей. Изъ уваженія къ репутаціи автора, я также прочитала „Клэръ д'Аибъ“ и „Елисавету.“ Послѣдняя основана на истинномъ фактѣ, и слѣдовательно интересна; но первая представляетъ родъ женскаго Вертера, и потому невыносимо мечтательна.

17 мая... Почта такъ плутуетъ съ моими письмами, которыя получаю и посылаю, что я начинаю терять всякую вѣру и надежду. Послѣ такого откровенія — я считаю нелишнимъ благоразумiемъ изчезнуть на время изъ вашего вида.

---

Москва. 16 іюня, 1807 г.

..... Меня провожаютъ изъ Россіи торжественно. Каждый вечеръ мы посѣщаемъ окрестности Москвы, гуляемъ въ „Нескучномъ,“ Астанковѣ, Царицынѣ и другихъ превосходныхъ мѣстностяхъ; кромѣ того, мы навѣщаемъ монастыри.

Одинъ знаменитой изъ нихъ Донской, гордо возвышающійся надъ городомъ, мы посѣтили въ послѣдній разъ. Здѣсь мы пили лимонадъ подъ тѣнью березы, любуясь сквозь ея вѣтви желтыми

куполами и вызолоченными крестами Кремля, который лежалъ подъ нами во всемъ его величіи.

На склонѣ этой горы раскидывается садъ Орлова, изрѣзанный разнообразными алеями, холмами, пропастями, ужайками, съ непременной баней и церковью.

Березовая кора часто употребляется въ постройкѣ загородныхъ домовъ и даетъ очень интересный видъ зданіямъ, какъ будто построенныхъ рукой самой природы. Благодаря Англійскимъ садовникамъ, Нѣмецкій вкусъ здѣсь уничтожается; и я могу прибавить, что въ Россіи все что есть хорошаго, тѣмъ обязаны они Англичанамъ, Нѣмцамъ, Французамъ или Шведамъ.

Княгиня очень охотно помогаетъ намъ изучать Россію въ ея древней столицѣ; такъ-какъ купцы и крестьяне держутся старинныхъ обычаевъ, то она приказала дать намъ вечеръ въ домѣ Ильи Алексѣевича, извѣстнаго купца и патріарха раскольнической секты. Этотъ восьмидесятилѣтній старикъ представляетъ очень интересный типъ Русской породы: простой, привѣтливый, трудолюбивый и благосклонный, съ большимъ льснящимся лбомъ, прекрасными чертами и длинной серебряной бородой, высокаго роста. Онъ родился крѣпостнымъ человѣкомъ Долгорукихъ, но откупивъ свою свободу, онъ нажилъ огромное состояніе.

Не смотря на богатство его дома и нескончаемый обѣдъ, за которымъ онъ самъ присутство-

валъ, я гораздо болѣе удивлялась его собственной патріархальной личности. Онъ провелъ насъ по своимъ церквамъ, монастырямъ, госпиталямъ, образующимъ цѣлый поселъ вокругъ его дома, и объяснилъ нѣкоторыя особенности своей религіозной секты. Главное различіе между расколомъ и господствующей церковью, кажется, состоитъ не въ основныхъ догматахъ, а въ томъ, что раскольники не признаютъ церковныхъ книгъ и нѣкоторыхъ обрядовъ, введенныхъ въ позднѣйшее время. Впрочемъ подъ словомъ „Раскольникъ“ въ Россіи означаются различныя секты, отступившія отъ основнаго вѣроисповѣданія.

Заключаю мое письмо полнымъ негодованіемъ противъ васъ; съ чего вы взяли упрекать меня, что я никогда не упоминаю вамъ о войскѣ и политическомъ состояніи Россіи. Чему тутъ удивляться? Послѣ того вы станете требовать отъ меня свѣдѣній о Китаѣ или Аравіи. Здѣсь нѣтъ ни одного существа, отъ котораго вы узнали бы что нибудь въ этомъ отношеніи, за то ужъ никто и не спрашиваетъ васъ: здѣсь все болѣе важное дѣлается исподтишка и украдкой.

Петербургъ, 15 іюля.

Посмотрите на число и вы увидите, что уже мѣсяцъ прошелъ, какъ я покинула — Москву. Опишу вамъ мои проводы.

Княгиня, М... и я помѣстились въ одной каретѣ, княгиня Анна и Исленьева въ другой, горничныя въ кибиткахъ, Элеонора ѣхала въ моей каретѣ вмѣстѣ въ Иваномъ Александровичемъ, вѣрнымъ стражемъ Дашковой, другіе слуги и козаки, провожавшіе насъ, занимали свои повозки. Въ такомъ видѣ мы двинулись къ Воскресенскому монастырю, гдѣ Мельхиседехъ, любезный игуменъ, принялъ насъ съ обычнымъ гостепріимствомъ и провелъ въ домъ, нѣкогда устроенный для Екатерины II. Замѣтьте, что эту привиллегію можетъ имѣть только статсъ-дама, съ императорскимъ портретомъ; ее допускаютъ во время путешествія въ царскіе покои. Почтенный архимандритъ угостилъ насъ чаемъ, приказалъ послать намъ сѣна на кожаныхъ кроватяхъ, благословилъ и оставилъ насъ въ покоѣ.

На слѣдующій день мы посѣтили прекрасныя окрестности монастыря; насъ провожалъ настоятель въ своихъ дрожкахъ. Послѣ обѣда мы отправились въ Клинъ, гдѣ ночевали.

Княгиня, не смотря на всѣ мои просьбы, рѣшилась было проводить меня до Петербургскаго или Рижскаго порта; но плохое состояніе ея здо-

ровья принудило отмѣнить этотъ планъ. Такимъ образомъ четвергъ былъ днемъ нашей разлуки въ Клинѣ; я пишу постоянно и княгинѣ и М....

Простившись съ Дашковой, я сѣла въ свою карету съ Элеонорой; двое слугъ, Кузьма и Антонъ, помѣстились на козлахъ; за нами слѣдовалъ Иванъ Александровичъ въ своей кибиткѣ, со всей дорожной провизіей. Четверка бодрыхъ коней понесла насъ лѣсистыми дорогами.

Въ воскресенье утромъ, 11 іюля, мы остановились недалеко отъ Петербурга, въ Царскомъ селѣ, которое я имѣла время осмотрѣть. Въ Петербургъ мы прибыли послѣ обѣда въ домъ барона Огье, бывшаго Голландскимъ посланникомъ при Екатеринѣ II. Баронесса, племянница Дашковой и старый другъ ея. Я прежде мало знала ея мужа, но сквозь его суровую наружность видимо проглядывала доброта и достоинство. Онъ мужщина коренистый, съ крупными чертами, пріятнымъ лицемъ и очень умный.

Вотъ уже четвертой день, какъ я живу здѣсь среди такого множества разныхъ хлопотъ, что это письмо, давно начатое и неоконченное, вѣроятно будетъ вѣстникомъ моего пріѣзда. Я сажусь въ лодку, у самаго подъѣзда (домъ стоитъ на берегу Невы), въ пятницу, 23 этого мѣсяца и отправляюсь въ Кронштадтъ, гдѣ ожидаетъ меня тотъ же самый корабль, на которомъ пріѣхала М.... и я въ Россію.

И такъ я здѣсь. Какихъ хлопотъ, писемъ, визитовъ и мученій стоило мнѣ разстаться съ Петербургомъ.

Я встрѣтила моего друга, мистера Кавана; онъ помогъ мнѣ устроить всѣ мои дѣла.

Прошлую ночь мы провели на дачѣ, въ четырнадцати верстахъ отсюда, у герцога Капріоло, Неаполитанскаго министра. Здѣсь было все лучшее общество Петербурга; вечеръ былъ очень веселый. За день передъ тѣмъ мы были у графини Воронцовой, и цѣлое утро провели въ прогулкахъ.

Нѣсколько часовъ мы ходили по Эрмитажу, который такъ любила Екатерина II; картинная галерея его — превосходная; ложи Рафаела такъ прекрасно скопированы, что многіе считаютъ ихъ лучше оригинальныхъ фресковъ Ватикана.

Петербургъ — городъ великолѣпный. Со времени моего послѣдняго пребыванія здѣсь, желѣзный мостъ изъ одной арки перекинули черезъ Неву, новый манежъ простроили, теперь строятъ новую биржу и планируютъ гранитную набережную.

Вчера объявленъ миръ между Бонапартомъ и Александромъ. Съ крѣпости весь день раздавалась пушечная пальба; вечеромъ весь городъ былъ освѣщенъ. Не знаю, можно ли все это принять за выраженіе дѣйствительной радости; если это такъ, то остается думать, что старый Брюэнъ обратился въ осла. Впрочемъ не мѣшаетъ придержать языкъ, а то прикуютъ къ кибиткѣ и от-

правятъ въ Сибирь. Поэтому поговоримъ лучше о моемъ возвращеніи.

Если мое настоящее плаваніе будетъ также хорошо, какъ прежде, то я 20 августа надѣюсь быть въ Лондонѣ; но письмо, полученное отъ капитана Кларка, извѣщаетъ меня, что корабль шесть недѣль простоитъ въ Зундѣ. Если это правда, я поплыву въ Копенгагенъ; будучи обстрѣленнымъ солдатомъ, я уже запаслась и письмами въ этотъ городъ, чтобъ избѣжать приключеній.

Княгиня и М.... часто пишутъ мнѣ и я устала отвѣчать имъ. Баронъ и баронесса Огье проводили меня до Кронштадта и посадили на корабль. Не достаетъ одной М...., впрочемъ весной она непремѣнно оставитъ Москву.

Здѣсь вообще думаютъ, что прошлая иллюминація въ честь мира съ Франціей была демонстраціей народнаго чувства. Если такъ, то нечего ожидать добра, потому что она была чрезвычайно дурна. Когда мы бродили по улицамъ, я вспомнила „Смерть“ Мильтона, „съ ее ужасной гримасой сквозъ блѣдную улыбку“. Но Россія отважный школьникъ; чтобъ выиграть праздникъ, она готова лечь подъ розги. Этотъ миръ по моему мнѣнію, маленькая ея шалость, а въ рукахъ Бонапарта розга.

Здѣсь всѣ кричатъ противъ Англичанъ, за отлагательство союза. Невѣжественное большинство къ образованному кругу, сдѣсь относится какъ

999 къ одному; и это большинство шумитъ противъ Англіи, и только не многіе видятъ дальше. Вообразите мое невѣжество въ политическихъ дѣлахъ! Я никогда не читаю газетъ; онѣ запрещены здѣсь, и ничего не слышу, кромѣ дневныхъ сплетней. Любящая васъ.

K. W.

---

Петербѣргъ, въ домѣ барона
Огье, 28 іюля, 1807 года.

Любезный батышка, вотъ ужъ семнадцатый день, какъ я живу въ Петербургѣ; планы мои относительно возвращенія въ Англію съ первымъ попутнымъ вѣтромъ такъ перепутались, что я рѣшилась не писать больше домой, въ той увѣренности, что извѣстіе, посланное съ этой почтой непремѣнно будетъ противорѣчить слѣдующей. Причина моей остановки и безпокойства въ томъ, что я оставила Москву безъ паспорта. Княгиня увѣрила меня, что достаточно имѣть одну подорожную, подписанную начальствомъ и предъявленную въ Московскихъ газетахъ.

Вамъ писала уже М... о моимъ отъѣздѣ, а я увѣдомила А..., поэтому нѣтъ надобности возвращаться къ прошлому; я лучше разскажу вамъ о своихъ послѣднихъ похожденіяхъ, въ которыхъ

іриняли участіе какъ наши, такъ и Русскіе мои друзья. Баронъ Огье три раза видѣлся съ Петербургскимъ генералъ губернаторомъ, а Англійскій банкиръ и превосходный нашъ Кавана истощили всѣ усилія по моему дѣлу, и все напрасно. Строгость современнаго правительства въ выдачѣ паспортовъ безпощадная. Вслѣдствіе этого старый мой пріятель, корабль „Good Intent,“ прождавъ меня въ Кронштадтѣ довольно долго, наконецъ вышелъ въ море. Такимъ образомъ я должна пробыть здѣсь, пока, во первыхъ, въ Московскихъ газетахъ не объявятъ три раза о моемъ отъѣздѣ; во вторыхъ, пока мой паспортъ не пройдетъ по разнымъ чиновничьимъ мѣстамъ и наконецъ не пролежитъ трехъ дней въ канцеляріи графа Румянцева; послѣ этого, говорятъ, я могу на другой день выѣхать.

Я очень обязана гостепріимству тѣхъ друзей, въ домѣ которыхъ живу; мое время проходитъ очень весело. Я часто посѣщаю дворцовый Эрмитажъ и разъѣжаю по великолѣпной Невѣ въ общественные сады, учрежденія и проч. Ничего не можетъ быть лучше этого города въ лѣтнюю пору, днемъ и ночью, если только можно назвать ночью здѣшнія ясные сумерки, при свѣтѣ которыхъ можно шить и читать. Все это очень хорошо; но эти удовольствія отравляются моимъ неопредѣленнымъ положеніемъ.

Впрочемъ я утѣшаюсь тѣмъ, что мой опытъ

покажетъ дорогу М..., на слѣдующую весну; я отстраню всѣ препятствія которыя бы помѣшали ея возвращенію.

Мои письма постоянно посылаются въ Москву; и княгиня и ея семейство съ каждой почтой увѣдомляютъ меня, такъ что можно думать, что мы еще не разстались. По желанію Дашковой, я просила княгиню Прозоровскую и графину Протасову дозволить мнѣ проститься письменно съ молодой и старой императрицей, если только не буду имѣть чести представиться имъ лично.

Мой добрый другъ, мистеръ Кавана, сейчасъ отправился въ Кронштадтъ пріискать мнѣ лучшій корабль и окончательно устроить дѣло моего отъѣзда.

Прощайте, мой любезный батюшка.

КОНЕЦЪ.

Печатано въ типографіи Г. Пеца въ Наумбургѣ.